

**Actual problems
of Turkic studies
2017**

**International
scientific conference
XIX Ivanov Memorial Lectures**

SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY
Department of Turkic Philology

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC
CONFERENCE
XIX
IVANOV MEMORIAL LECTURES**

Saint Petersburg
19 May 2017

Materials

Saint Petersburg
2017

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра тюркской филологии

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
XIX
ИВАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Санкт-Петербург
19 мая 2017 года

Материалы конференции

Санкт-Петербург
2017

**ББК 81.2Тюрк
М34**

А43 Актуальные вопросы тюркологических исследований: Международная научная конференция XIX Ивановские чтения, 19 мая 2017 г.: Материалы конференции / под ред. Н.Н. Телицина. — СПб.: Центр содействия образованию, 2017. — 108 с.

ISBN 978-5-906623-23-2

В сборнике представлены тезисы докладов участников XIX международной научной конференции Ивановские чтения, прошедшей 19 мая 2017 г. в Санкт-Петербурге. Материалы посвящены различным проблемам изучения письменных памятников и современной литературы тюркоязычных стран.

ББК 81.2Тюрк

Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-906623-23-2

© Коллектив авторов, 2017
© Кафедра тюркской
филологии СПбГУ, 2017

Содержание

Предисловие	7
<i>Аверутина А.С.</i> Роман Зюльфию Ливанели «Беспокойство» (“Huzursuzluk”) как отражение политической ситуации в современной Турции.	10
<i>Бурыкин А.А.</i> Тюркизмы в тунгусо-манчжурских языках в перспективе истории тюркских языков	16
<i>Гирфанова А.Х.</i> Балканская топонимия тюркского происхождения	23
<i>Guzev V.G.</i> Rus ve Türk Dilbiliminde Çatı (Diathesis) Kavramı Üzerine	26
<i>Dubrovina M.E.</i> Some interesting cases in the use of causative in the Yakut language	36
<i>Камалова Ш.Н.</i> Аналитические формы в предикативных конструкциях (на материале текстов древнетюркских рунических памятников)	41
<i>Образцов В.Н.</i> Особенности эпиграфики на османском длинноклинковом оружии XVI–XIX вв.	48
<i>Образцов А.В., Сулейманова А.С.</i> Об одном двустишии Орхана Вели	54
<i>Пылев А.И.</i> К вопросу о суфизме в лирической поэзии Захир ад-дина Мухаммада Бабура (1483–1530)	59
<i>Репенкова М.М.</i> «Страна шаманов» (2012) Барыша Мюстеджаплыоглу как речежанровый образец романа-фэнтези	64
<i>Салихова А.Р.</i> Роль Габдуллы Кариева в становлении татарского профессионального театра	74
<i>Сарышахин Д.</i> Состав гласных в парных сочетаниях звукоподражательных слов с точки зрения фоносемантики	80

<i>Султанов Т.И.</i>	
Полиэтнические термины <i>чагатай</i> и <i>узбек</i>	83
<i>Телицин Н.Н.</i>	
К вопросу о формах субъективной оценки в древнеуйгурском языке	87
<i>Хисамитдинова Ф.Г.</i>	
Термины со значениями «мать» и «отец» в мифологической лексике тюркских языков	90
<i>Шукурова З.С.</i>	
Об издании свода переводов С.Н. Иванова из лирики Алишера Навои	98
Сведения об авторах	105

Предисловие

Ежегодные «Ивановские чтения» проводятся на кафедре тюркской филологии с 1999 г. Доклады затрагивают различные вопросы истории, литературы, культуры, этнографии тюркских народов, большей частью проживающих на территориях России (Советского Союза) в прошлом и в настоящее время. Чтения посвящены выдающемуся отечественному тюркологу Сергею Николаевичу Иванову (11.04.1922, Петроград – 5.04.1999, С.-Петербург), возглавлявшему кафедру тюркской филологии с 1972 по 1988 гг.

Участник Великой Отечественной войны, С.Н. Иванов после окончания ЛГУ некоторое время работал в Узбекистане, в Бухарском государственном педагогическом институте (1951–1953). С 1956 г. преподавал на кафедре тюркской филологии, в 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Синтаксические функции формы на -ган в современном узбекском литературном языке». В 1959 г. работа была издана отдельной книгой под названием «Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные)». Монография С.Н. Иванова явилась большим вкладом в разработку учения о природе тюркских глагольно-именных форм — важного общетюркского грамматического явления, чрезвычайно употребительного в синхроническом и продуктивного в диахроническом аспектах, поскольку на их основе формируются многие определительные и обстоятельственные конструкции, а также временные формы индикатива. Работа ученого явилась заметным шагом на пути становления теоретического тюркского языкознания.

С 1961 г. С.Н. Иванов работал на должности доцента кафедры. В 1969 г. вышел в свет его труд «Родословное древо тюрков Абу-л-Газихана. Грамматический очерк: Имя и глагол. Грамматические категории» (Ташкент, 1969), который в том же году был защищен автором в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Эта книга была удостоена премии Ленинградского университета за 1971 г.

«Родословное древо...» и учебное пособие «Курс турецкой грамматики» (Ч. 1: Грамматические категории имени существительного. Л., 1975; Ч. 2: Грамматические категории глагола. Л., 1977), удостоенное премии ЛГУ за 1979 г., продолжают изыскания С.Н. Иванова в сфере строя тюркских языков. В названных трудах факты чагатайского (староузбекского) и турецкого языков осмысляются с позиций концепции, которую сам автор называл диалектико-логическим направлением грамматики. С.Н. Иванов вскрывает в этих работах субстанциальное единство разнофункциональных форм и диалектическое единство противоречиво двойственных значений в грамматических формах тюркских языков, формулирует новое понимание общего значения как противоречивой всеобщей основы многообразных манифестаций грамматической формы. Такое диалектическое понимание инвариантного значения принципиально отличается от распространенного в лингвистике метафизического понимания инварианта как универсального, единственного, непротиворечивого значения, т. е. абстрактно общего семантического знаменателя конкретных манифестаций формы. Выдвинутое в работах С.Н. Иванова положение о диалектическом единстве противоречивых значений в пределах одной грамматической формы явилось принципиально новым в языкознании.

Главным в своих грамматических изысканиях С.Н. Иванов считал интерес к системе грамматических фактов, к их внутренним связям, не наблюдаемым непосредственно, к выявлению того единства, которым регулируется многообразие. Читателя-лингвиста в работах С.Н. Иванова всегда восхищает удивительно точный, богатый язык.

Перу С.Н. Иванова принадлежит ряд работ по истории отечественной тюркологии. Его книга о Н.Ф. Катанове, первом хакасском тюркологе, этнографе и языковеде, выдержала два издания (1962 и 1973 гг.). С.Н. Иванов опубликовал несколько статей по истории тюркологии в Санкт-Петербургском университете, а также о своих учителях и коллегах: в частности, об академике А.Н. Кононове, В.С. Гарбузовой, В.Г. Гузеве, А.Е. Мартынцеве, И.С. Сеидове.

С.Н. Иванов известен не только как ученый и педагог, но и как блестящий поэт-переводчик классической и современной тюркоязычной поэзии. С 1960 г. им были опубликованы многочисленные переводы с древних тюркских языков, азербайджанского, татарского, турецкого, туркменского, староузбекского (чагатайского), узбекского, персидского

и таджикского языков, выполненные непосредственно с текста оригинала. Некоторые переводы еще ждут своей публикации. Эта деятельность ученого и поэта С.Н. Иванова не имела и не имеет себе равных ни в мировой тюркологии, ни в русской науке и культуре. Своей задачей как поэта-переводчика С.Н. Иванов считал воспроизведение средствами русского языка духа, формы и содержания ближневосточной классической поэзии — сложных образов и технических приемов, сравнений и игры слов. С.Н. Иванов был не просто переводчиком, но и истолкователем текста в единстве его поэтического содержания и поэтико-образных средств. С.Н. Ивановым поэтически переведены и изданы такие крупные произведения тюркской поэзии, как поэмы «Благодатное знание (Кутадгу Билиг)» Йусуфа Баласагуни (XI в.), «Сказание о Йусуфе (Кысса-и Йусуф)» Кул Гали (XIII в.), «Язык птиц (Лисан-ут-тайр)» Алишера Навои (XV в.), и сотни произведений малых поэтических форм. Среди наиболее крупных сборников поэтических переводов С.Н. Иванова следует назвать следующие: «В красе нетленной предстает: Узбекская классическая лирика XV–XX веков» (М., 1977), «Кровное слово: Переводы из узбекской поэзии» (Ташкент, 1981), «Свиток столетий: Тюркская классическая поэзия XIII–XX веков» (Л., 1991), «Алишер Навои: Избранное / В переводах С. Иванова» (СПб., 1996).

С.Н. Иванов с 1972 г. являлся членом Союза писателей СССР, до 1992 г. руководил секцией художественного перевода в Ленинградской (Санкт-Петербургской) писательской организации. За свою деятельность ученый и поэт был удостоен званий «Заслуженный работник культуры Узбекской ССР» (1968) и «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР» (1981).

А.С. Аврутина

**Роман Зюльфю Ливанели «Беспокойство»
 (“Huzursuzluk”) как отражение политической
ситуации в современной Турции**

Аннотация: Доклад посвящен анализу романа З. Ливанели «Беспокойство» (Huzursuzluk) в сравнении с романом О. Памука «Снег» (“Kar”). Роман З. Ливанели на первый взгляд является продолжением традиции политического романа в турецкой литературе, ярким представителем которой является роман О. Памука «Снег». Тем не менее, несмотря на сходство некоторых сюжетных элементов, роман Ливанели демонстрирует главное отличие: вымышленный памуковский сюжет у него замещается изложением реальных событий с небольшой художественной обработкой. Новые приемы изложения позволяют говорить о возможных тенденциях формирования нового жанра в современной турецкой литературе.

Ключевые слова: турецкая литература, роман, документальный роман, Зюльфю Ливанели, Орхан Памук.

Apollinaria S. Avrutina

**Zülfü Livaneli’s Novel “Disquiet” (“Huzursuzluk”)
as a Reflection of Political Situation in Modern Turkey**

Abstract: The report is devoted to the analysis of Z. Livaneli’s novel “Disquiet” (“Huzursuzluk”) in comparison with the novel by O. Pamuk “Snow” (“Kar”). Z. Livaneli’s novel at first sight is a continuation of a political novel tradition in Turkish literature, whose vivid representative is O. Pamuk’s novel “Snow”. Nevertheless, despite the similarity of some plot elements, Livaneli’s novel demonstrates the main difference: the fictional Pamuk’s plot is replaced by a presentation of real events with a little artistic processing. New techniques of presentation allow us to talk about possible trends in the formation of a new genre in contemporary Turkish literature.

Key words: Turkish literature, novel, documentary novel, Zülfü Livaneli, Orhan Pamuk.

Исторические события и политическая обстановка в Турции конца XX – нач. XXI вв. привела к появлению прежде нетипичного для турецкой литературы середины и второй половины XX в. жанра политического романа, заимствованного турецкой литературой из литератур других стран, прежде всего, из русской и французской. Главной темой и идеей политического турецкого романа становится не столько правдивое отражение политической ситуации, сколько детальное изображение людей, эту ситуацию составляющих, и внутренних, духовных мотивов, определяющих политический выбор. Турецкий политический роман представляет собой отражение политических настроений современной Турции с целью осмысления происходящих в ней процессов, при этом его события являются вымышленными. Самым ярким примером такого романа является, конечно же, «Снег» Орхана Памука.

Главный герой романа «Снег» Ка, постоянно проживающий в Германии как политический эмигрант, приезжает в провинциальный приграничный город Карс в качестве журналиста ежедневной центральной газеты «Джумхурийет». Он расследует серию самоубийств религиозных девушек, которых власти заставляли снять хиджаб в целях соблюдения отмененного несколько лет назад в Турции закона о запрете ношения хиджаба в публичных местах (в частности в учебных заведениях). В течение нескольких дней Ка настолько оказывается вовлеченным в жизнь Карса, в его внутренние проблемы и политические события, где за это время происходит многое и даже военный переворот, что начинает воспринимать себя жителем города, оставаясь, в то время, конечно же, чужаком, инородцем).

Карс в романе Памука изображен как мультикультурный город, который населяют представители различных национальностей, защищающих свои интересы.

Для написания «Снега» Орхан Памук провел немало времени в Карсе, собирая материал; многие интервью вошли в роман без изменений, а некоторые действующие лица имеют реальных прототипов среди жителей Карса. Тем не менее, сюжет романа Орхана Памука также является вымышленным и чем-то даже напоминает фантазмагорию с элементами мистики.

Ка является некоторым «альтер-эго» самого Орхана Памука, а остальные персонажи — юный Неджип, мудрый Шейх, красавица Ипек, ее отец Тургут-бей и ее сестра Кадифе — фигуры вымышленные.

С одной стороны, читателю очевидно, что ситуация, подобная изображенной в романе, когда труппа бродячих актеров совершает военный переворот, направленный против исламистов, и беспрепятственно захватывает власть, потому что снег завалил все дороги, вымышлена и в реальной жизни едва ли возможна. С другой стороны, этот сюжет в каком-то смысле отражает реальные исторические события — как минимум, перевороты, — уже имевшие место в турецкой политической истории XX в., и предсказывает возможные новые политические события такого рода. Иными словами, автор политического романа «Снег» конструирует вымышленный мир и вымышленную, повторим, фантазмагорическую историю для отражения реальных политических настроений современной ему Турции.

Новый роман Зюльфию Ливанели «Беспокойство» (Huzursuzluk), вышедший в январе 2017 г., посвящен процессам, определяющим в данный момент политическую и социальную ситуацию в Сирии и Турции. В романе детально описываются зверства террористов Исламского государства и проблемы сирийских беженцев. При этом роман, насыщенный политическими событиями, политическим назвать нельзя, а происходящее передано глазами простых людей, далеких от политики.

Основные элементы романа З. Ливанели с первого взгляда напоминают политический роман О. Памука. Журналист известной стамбульской газеты Ибрагим приезжает в провинциальный приграничный город Мардин из Стамбула на похороны друга детства Хюсейна, погибшего от рук националистов в США. Мардин — родина Ибрагима, но он так давно уехал отсюда, что воспринимается всеми как чужак, как приезжий. Планируя пробыть пару дней, герой задерживается надолго — достаточно надолго, чтобы почувствовать, как и памуковский Ка, причастность к жизни и внутренним проблемам города. По прибытии в Мардин он приходит домой к погибшему другу Хюсейну, где от его матери и сестры узнает, что перед отъездом в Соединенные Штаты, где живут старшие братья, Хюсейн внезапно бросил невесту-турчанку, дальнюю родственницу Сафийе и привел в дом беженку-езидку по имени Мелекназ, со слепой малышкой-дочкой, объявив всем, что решил жениться на ней. Разумеется, его семья встретила девушку очень плохо, потому что, согласно обывательским представлениям мусульман, езиды поклоняются дьяволу. По религиозным соображениям мусульманин не может жениться на езидке, сделавший это совершает огромный грех,

преступление против религии и заслуживает смерти. Положение обоих влюбленных оказалось очень непростым. Против езидки были все родные и знакомые Хюсейна, к тому же обоих обещали убить в случае женитьбы сторонники Исламского государства, которых в Мардине, как узнает и сообщает читателю автор, довольно много.

В итоге Хюсейну приходится отправить Мелекназ из Мардина в Стамбул к близким друзьям, но сам он становится жертвой покушения. Родные, стремясь спасти Хюсейна от преследования радикальных мусульман, отправляют его к старшим братьями в США, однако там Хюсейн гибнет от рук радикалов-националистов.

Ведя расследование на правах журналиста, как и главный герой романа Памука «Снег» Ка, (Ка, вооруженный журналистским удостоверением, расследовал обстоятельства самоубийств мусульманок, которых заставляли отказаться от ношения хиджаба), Ибрагим быстро узнает о драматических событиях, связанных с массовыми убийствами езидов террористами Исламского государства, а также о неразрешимых проблемах беженцев, путешествующих с Ближнего Востока в Европу, которая не хочет их принимать. Еще одно сходство с романом Памука заключается в том, что оба рассказчика-журналиста известных стамбульских газет не только выясняют обстоятельства последних жней жизни друга детства, не только действуют в приграничном провинциальном городе, хранящем черты древних культур и цивилизаций, но и вникают в проблемы населяющих этот город национальных меньшинств. Мардин – приграничный город, который уже несколько лет принимает сирийских беженцев, спасающихся от Исламского государства (прежде всего, езидов), и где на территориях древней Месопотамии многие тысячелетия живут в мире бок о бок представители самых разных народов и религий.

Кроме того, разыскивая возлюбленную убитого друга, езидку Мелекназ, Ибрагим, «*стамбульский атеист, проникнутый цифровыми технологиями*» [1. S. 73], в Мардине проникается вопросами веры, традиции и даже поисками Бога, он даже начинает симпатизировать культуре езидов и стремится понять ее. Вследствие этого он резко пересматривает свои взгляды на жизнь: то, что раньше казалось ему важным, теперь кажется совершенно бессмысленным, и в конце романа он даже решает круто изменить свою жизнь, сменив профессию. Точно также вопросами веры проникается и памуковский Ка, который именно в Карсе впервые начинает слышать сердцем голос Аллаха, а вместе с ним

обретает и истинное вдохновение, позволяющее ему создавать поэтические шедевры.

Центральной темой памуковского романа является вопрос самоопределения Турции, вечно занимающей промежуточное положение между Востоком и Западом: с кем Турция? С восточной традицией или западной культурой? Автор подталкивает читателя к тому, чтобы не только сделать определенные выводы о религиозных настроениях турок и о политическом устройстве страны, но и к тому, чтобы понять героев рассказанных историй и их выбор, посмотреть на восточного человека глазами не западного человека, а восточного.

Центральной темой романа З. Ливанели является судьба народа, подвергшегося фактическому уничтожению в XXI в., *«в то время как мы заседаем на бесполезных конференциях, сидим в вестибюлях дорогих отелей, ездим на курорты и говорим глупости в телевизионных шоу»* [1. С. 75], как говорит журналист Ибрагим. Он умудряется выяснить у очевидцев множество страшных подробностей, множество страшных личных историй людей, пострадавших от рук террористов Исламского государства. В «Беспокойстве» также имеют место политические рассуждения, но они находятся как бы на втором плане и связаны с кратким эпизодом безрезультатного посещения лагерей беженцев Анджелиной Джоли. Так что в этом смысле роман нельзя назвать политическим. В то же время он представляет собой изложение реальных событий, органично вплетенных в художественное полотно. Иными словами, это роман, основанный на реальных событиях. По сообщению, полученному от самого З. Ливанели, он провел немало времени в Мардине, в лагерях беженцев, где в качестве журналиста одной из центральных ежедневных газет собирал материал и интервьюировал людей, ставших затем героями его романа.

Название романа на первый взгляд переводится довольно просто: как «Непокой», «Беспокойство» либо даже «Суета» (представляется более точным остановиться на первом варианте), однако за этим названием скрыт глубокий философский, скорее даже суфийский смысл. Дело в том, что антоним слову Huzursuzluk — Huzur переводится с турецкого буквально «Спокойствие». В суфийской мистической традиции этим словом обозначали одну из духовных «стоянок» на мистическом пути познания Аллаха, иными словами, точку самопознания, остановку. Герои романа как бы утратили «спокойствие», покинули «стоянку» и

постоянно пребывают в пути, оторванные от своей привычной жизни волей обстоятельств.

Главный герой, бежавший от мести исламских радикалов, гибнет именно от рук американских националистов, и это составляет центральную идею романа: фашизм, ультра-национализм ужасен в любых формах.

Новое произведение З. Ливанели одним из первых в турецкой литературе демонстрирует тенденцию, знаменательную для всей современной мировой культуры. Она связана, конечно же, с новыми способами работы с информацией в современных СМИ. В настоящее время реальные события и участвующие в них люди практически сразу становятся «участниками телевизионного шоу». Нередко картинка с поля боя транслируется в прямой эфир в режиме реального времени. В литературе данный способ нашел выражение в том, что герои и события включаются автором в повествование как есть, без каких-либо художественных изменений. Таким образом происходит сюжетное замещение вымысла реальными событиями, и роман-вымысел трансформируется в роман-репортаж, новый жанр, который условно можно назвать документальным романом или публицистическим романом. От прозы non-fiction (документальной прозы) такой роман отличается тем, что повествование ведется, как правило, от лица вымышленного персонажа, в рамках вымышленных обстоятельств. Иными словами, главное отличие документального романа от прозы non-fiction заключается в степени вымысла, в документальной прозе вымысел практически отсутствует (в качестве примера можно привести романы Александра Солженицына, Светланы Алексиевич и т. д.).

Документальный роман, такой, как произведение З. Ливанели, написан на основе реальных исторических событий, с включением этих реально произошедших событий и реально существующих людей в качестве героев в вымышленные обстоятельства и, по сути, представляет собой художественно обработанный репортаж.

Литература:

1. *Livaneli Z.* Huzursuzluk. Istanbul: Doğan Kitap. 2017.

А.А. Бурыкин

Тюркизмы в тунгусо-маньчжурских языках в перспективе истории тюркских языков

Аннотация: Статья содержит краткое представление новой проблемы в ареальном изучении древних контактных связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. После принятия некоторых уточнений в реконструкции общеалтайского языкового состояния открывается возможность выявить в материале монгольских и тунгусо-маньчжурских языков множество древних тюркских заимствований из разных, большей частью ныне утраченных языков, которые проникли в эти языки и в монгольские языки примерно 3000 лет назад, уже после дифференциации тунгусо-маньчжурских языков.

Ключевые слова: Алтайская теория, общеалтайская реконструкция, тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, соответствия согласных, заимствования.

A.A.Burykin

Turkic Loanwords in Tungus-Manchu Languages in the Perspectives of History of Turkic Languages

Abstract: The article contains short representation of a new problem in areal studying of ancient contact communications of Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages. After acceptance of some specifications in reconstruction of Common Altaic condition possibility to reveal in a material the Mongolian and Tungus-Manchu languages there opens the set of ancient Turkic loans from various mostly nowadays lost languages which have got into these languages and in the Mongolian languages approximately 3000 years ago, already after differentiation of Tungus-Manchu languages.

Key words: The Altay theory, общеалтайская реконструкция, Turkic languages, the Mongolian languages, Tungus-Manchu languages, correspondence of consonants, loanwords.

Алтайская теория как теория генетического родства монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, корейского и японского языков и идея о контактных связях и взаимных заимствованиях монгольских и тюркских языков, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, монгольских языков и корейского языка, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков изначально, с момента зарождения алтаистики как области сравнительно-исторического языкознания в начале XX в. в трудах основоположников современной научной алтаистики Г. Рамстедта и Б.Я. Владимирцова были не взаимоисключающими альтернативами, а взаимодополняющими и взаимоверифицирующими направлениями в изучении истории монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков.

Понимание алтайской общности как общности языков, имеющей контактную природу, с 1960-х гг. приписывается В. Котвичу, что необоснованно — и сам В. Котвич не отрицал возможности древнего родства алтайских языков, его возраст алтайской семьи в 3000 лет считается минимальным из предполагаемых, а применяемые им сопоставительные методы (в которых исключена сравнительно-историческая фонетика, а морфология и лексика сопоставляются по внешнему сходству в синхронных состояниях) по существу не могли дать другого результата. Исследования контактных связей отдельных тюркских языков (чувашский и языки Урало-Поволжья, тувинский и монгольский, якутский и тунгусо-маньчжурские) и языков разных групп, так же как и выявление заимствованной лексики в старейших письменных памятниках на тюркских и монгольских языках представляют собой самостоятельные задачи, но не могут претендовать на обеспечение источниковедения алтайской теории, поскольку в подобных случаях речь идет об общеизвестных фактах и об узнаваемых примерах, которые никто никогда не признавал за образцы общеалтайского наследия.

Критика Алтайской теории велась в двух направлениях: первое из них, ныне называемое контралтастикой (Г. Дерфер, А.М. Щербак, отчасти Дж. Клоусон), сводилось к отрицанию генетического родства алтайских языков, тотальной трактовке всех лексических и морфологических сходств как заимствований, для обоснования чего использовался тенденциозно выстраиваемый формальный аппарат, непригодный ни к индоевропейским языкам, ни к контактирующим литературным языкам, и самое главное — отсутствию альтернативы в характеристике генетических связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков

и наложении моратория на любые штудии в этой области: впору было поверить, что тюрки действительно пришли с неба... Представителем второго направления, имеющего серьезные теоретические основания, был Б.А. Серебрянников, который заметил, что в работах ортодоксальных алтаистов (Г. Рамстедта, Н.Н. Поппе и их старших последователей) сравниваются весьма похожие друг на друга в плане выражения слова, что не может соответствовать глубокой дивергенции языковой семьи, в которой системы фонем, фонологическая структура слов и инвентарь морфем, частично совпадают

Предложенные автором данной работы дополнения к общеалтайской реконструкции позволили выявить специфику общетюркской реконструкции в отношении к общемонгольской и общетунгусо-маньчжурской реконструкциям. Для тюркских языков на уровне общетюркского состояния в отношении к другим группам алтайских языков (прежде всего монгольской, наиболее архаичной) характерны следующие изменения фонологической структуры слова:

1) Отпадение ауслатного комплекса ГС: п.-мо. *mösun* ‘лед’ ~ др.-тюрк. *bu:z* ‘лед’; п.-мо. *xonin* ‘овца’ ~ др.-тюрк. *qoj* ‘овца’; 2) Фронтальное выпадение первого согласного в консонантных сочетаниях: п.-мо. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ др.-тюрк. *jü:z* ‘лицо’; п.-мо. *agta morin* ‘лошадь’ ~ др.-тюрк. *at* ‘лошадь’, п.-мо. *elzigen* ‘осел’ ~ др.-тюрк. *ešäk* ‘осел’, п.-мо. *aldar* ‘слава, имя’ ~ др.-тюрк. *a:t* ‘имя’, монг. *хэлбэр* ‘форма, вид’ ~ тюрк. *кер* ‘форма’, тогда монг. *хэв* ‘порядок, печать, форма’ — доказуемый тюркизм. 3) Синкопа гласного второго слога и выпадение первого согласного во вторичном сочетании согласных: письм.-монг. *deresiin* ‘камыш’ ~ др.-тюрк. *jiz* ‘тростник’. Иногда системные закономерные преобразования меняют облик слова в тюркских языках до неузнаваемости при сохранении семантики: ср. монг. *хорхинцог* ‘стручок’ ~ татар. *кузак* ‘стручок’, п.-мо. *büselegür* ‘поясница’ ~ др.-тюрк. *bel* ‘поясница’, эвенк. и якут. *амсир* ‘горностай’ (< чукот. *эмчачокалгын* ‘горностай’) ~ др.-тюрк. *a:s* ‘горностай’ и др. Эволюция фонетической структуры слова в тюркских языках поддерживается аналогичными тенденциями в некоторых тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, в то время как трактовка монгольских и тунгусо-маньчжурских формы как модификаций тюркских слов на синхронном срезе ранних тюркских памятников полностью лишена доказательств. Материал тунгусо-маньчжурских языков мало отличается в интересующем нас аспекте от мон-

гольского и на нем можно не останавливаться. Три формулы — *mösün ~ buz, dürsün ~ jüz, deresün ~ jiz* — показывают нам соотношение монгольских и тюркских слов в рамках общеалтайской реконструкции и одновременно обозначают направление эволюции структуры слова в алтайских языках от монгольского состояния (самого раннего) до тюркского состояния (наиболее позднего, несмотря на древность письменных памятников). Все лексические корреспонденции, которые не укладываются в приведенные монголо-тюркские корреспонденции, однозначно признаются заимствованиями, и это, во-первых, позволяет с надежностью выделять общеалтайские лексемы, во-вторых, реально обосновывать заимствованный характер слов, не являющихся исконными в монгольских или тюркских языках.

Как известно, в тюркских языках лишь небольшое число фонем демонстрирует нетривиальные фонетические соответствия по отдельным языкам и в другом используется как классификационные признаки для групп тюркских языков. Это согласные **δ* — интерденальный (рефлексы: -j- ~-*δ*- ~-z- ~-d'- ~-t-, в старых тюркских заимствованиях в маньчжурском - ч, ср. ма. *хучин* ‘колодец’, в ряде случаев -с-, как в монг. *хусам* ‘береза’ ~ др.-тюрк. *qadın*, *z (рефлексы: з ~ с ~ h), *š (рефлексы: ш ~ с ~ h), в неначальной позиции и начальный *j- (в общепринятой реконструкции Б.А. Серебrenникова, рефлексы по языкам j ~ # ~ ʒ ~ ж ~ д' ~ ч ~ с ~ г), и согласные č и s во всех позициях (рефлексы *č: ч ~ ш ~ с ~ h, рефлексы *s: с ~ h ~ #).

Рассмотрим показательный пример — названия меди и ее сплавов в тунгусо-маньчжурских языках. Они представлены следующими формами: 1) удэ. *тэуси* 1) ‘медь, латунь’; 2) ‘бронза’; и др. (ССТМЯ 2, 242). 2) эвенк, диал., и др. *гэгин* ‘медь’ (ССТМЯ, 1, 177); 3) эвенк. *чучин*, *чучун* ‘медь’, эвен. *чучурми* ‘медь желтая’ (ССТМЯ 2, 418). 4) эвенк. *чи:риктэ* ‘медь (красная)’; ма. *сирин* ‘медь’ (ССТМЯ 2, 399), не имеющее отсылок к другим статьям этого словаря и не имеющее указаний на параллели в других языках. Все приведенные формы определенно гомогенны — они весьма «похожи», но они не могут признаваться рефлексами обще-тунгусо-маньчжурского названия меди в отдельных языках — они не укладываются в известные тунгусо-маньчжурские межязыковые соответствия и образуют как бы собственную систему соответствий, которая корреспондирует с рефлексами тюркского начального *č- и интерденального *δ. Появление этих дублетов объясняется только тем, что они

явно восходят к разным пратюркским диалектам, единственным свидетельством существования которых в тюркских языках осталось др.-тюрк. *čodīn* ‘медь’, но в тунгусо-маньчжурских языках следы таких диалектов сохранились в гораздо большем количестве и в большем разнообразии, чем это можно было бы предполагать. Таким образом, пратюркским архетипом названия меди оказывается *ʒeʒin ~ *ʒiʒin, ~ *ʒoʒin — тогда источником всех приведенных выше пратюркских диалектных названий меди может быть китайское *qing'tong*² (цзинтун) «бронза». У нас есть и другие примеры эволюции китайских слов-биномов до тюркских слов со структурой CVC, характерной для известного нам общетюркского состояния: др.-тюрк. *boʒ* ‘свободный’ ~ ма. *байсин* ‘свободный (от повинностей, службы, занятий)’ < кит. *бай²жэнь²* ‘человек без должности’ (ССТМЯ 1, 66), др.-тюрк. *bez* ‘материя’ ~ 1) ма. *вэнчэо* ‘ткань из шелковой и льняной нитей’ (ССТМЯ 1, 132), 2) ороч. и др. *генчу* ‘название ткани’ (ССТМЯ 1, 146) — явные китаизмы.

Выявленные примеры старых тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках очень разнородны. Наиболее очевидными оказываются единичные тюркизмы, не утратившие сходств с известными нам тюркскими формами: ср. нан. *кэжу:кэ:* ‘цветок’ (ССТМЯ 1, 445) < др.-тюрк. *čejäk* ‘цветок’; монг. *цэцэг*, бур. *сэсэг* ‘цветок’ — явный тюркизм из языка, похожего на якутский (в якутском лексема не сохранилась), ср. исконные проявления того же корня в монг. *цоморлог* ‘почка, бутон’, нег. *чимчуктэ*, ороч. уд., ульч., нан. *чимчиктэ* ‘шишка, почка’ (ССТМЯ 2, 395) (**чимчик-тэ*), свидетельствующие об утрате преконсонантного -м- уже в общетюркском или пратюркском, нег. *ма:ки* ‘голова медведя’, ср. др.-тюрк. *baši*, якут. *баһа* ‘его голова’.

Гораздо чаще проявления тюркских заимствований в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках встречаются в большом массиве параллелей, среди которых обнаруживается общеалтайский архетип и его групповые рефлексy, а основная масса примеров представляет разновременные заимствования, групповая принадлежность которых (тюркизмы) надежно устанавливается по структуре слов и рефлексам согласных с нетривиальными отражениями.

Древнетюркский корень *ed*, *ed* ‘вещь, имущество, богатство’ (ДТС 162, 164), в реконструкции Э.В. Севортыяна -ИЙ- (Севортыян 1, 329–330) достаточно словаре Э.В. Севортыяна подается как гомогенный с тюркской лексемой *idi* ‘хозяин, владедец, обладатель’, *idi* ‘господин (о боге)’, *ige*

‘хозяин, дух, божество’, *ije* хозяин, господин (о боге) тур. диал. *ez* ‘хозяин, владелец’ (ДТС 203, 204, 205, Севортян 1, 237–241). Оба слова сопоставляются соответственно с монг. *ed* ‘вещь, имущество’ и с монг. *ezen* ‘господин, хозяин’ (Севортян 1, 330, 240). Предположение о том, что обе монгольские формы имеют тюркское происхождение (гомогенность их сомнительна), бы вполне корректным, но оно не покрывает всего множества фактов, связываемых с рассматриваемыми тюркскими лексемами.

В монгольских языках выявляется целый ряд слов со значением «имущество»: ср. *агуурс* ‘вещи, имущество, пожитки, скарб, достояние’; *эд агуурс* ‘вещи, имущество, пожитки, скарб’; *адал*: *адал мал* ‘скот, стадо; имущество (как собственность)’; *зэслэг* ‘имущество, ресурсы, все, что необходимо для удовлетворения потребностей’; *уурс* ‘имущество; утварь; вещи, пожитки, скарб, достояние’; *эд уурс* диал. ‘имущество; утварь, пожитки’. Данные формы восходят к каким-то ныне не существующим тюркским языкам с изменением гласного э>а и обозримым рефлексам интердентального *δ.

Примеры, аналогичные наблюдаемым нами монгольским проявлениям тюркского *ed* ‘вещь, имущество’, имеются и в тунгусо-маньчжурских языках:

1) эвенк. *эт* товар, сол. *эдэ* ‘вещь, имущество’ (ССТМЯ 2,469); 2) эвенк. ати товар (ССТМЯ 1,58) < якут. *атыы*; 3) эвенк. *идэгэ*: ‘вещь, предмет, скарб, деньги’ (ССТМЯ 1, 298); 4) эвенк. *аннга*: ‘предмет, вещь, утварь, одежда’ (ССТМЯ 1,43). и др.

Др.-тюрк. *idi* ‘хозяин, владелец, обладатель’ сравнивается с монг. *ezen* ‘господин, хозяин’, ‘дух-хозяин, божество’. Демонические значения, похоже, сохраняются в таких проявлениях тюркской лексемы, как монг. *эдэн* ‘вампир’, *ариун* ‘священный, святой, неприкосновенный’; монг. *яндаг* ‘святой-пресвятой’. Тунгусо-маньчжурские проявления тюркского *iDi* довольно разнородны, но диапазон их значений в общем соответствует разным значениям тюркской лексемы:

1) эвенк. зап. *эксэри* ‘бог’, ороч. *эксукэн* ‘дух леса, душа умершего человека’ (ССТМЯ 2, 444); 2) сол. *эндури* ‘всевышний’, нег., ороч. *эндури* ‘бог-хозяин неба’, ульч., нан. *эндури* ‘бог’, ма. *эндури* ‘дух, высшее существо’ (ССТМЯ 2, 453); 3) нан. *амзиа* ‘название божка — одного из шаманских духов’ (ССТМЯ 1,37); 4) ульч. *ундалау* ‘название идола’ (ССТМЯ 2,273); 5) эвен. *эркэн* ‘талисман’ (ССТМЯ 2, 465): к семантике ср. эвен. *хэвкичэ:н* ‘талисман’, букв. ‘божок’ 6) нан. *ага* ‘название бож-

ка — покровителя охоты’ (ССТМЯ 1,11). 7) эвенк., нег. *оге:нга*,: ульч. *оги:нга*: ‘злой дух’ (ССТМЯ 2, 5); 8) Уд. *огзо* ‘злой дух’ (ССТМЯ 2, 5); 9) эвенк., эвен *арингка* ‘злой дух’, нег. *айи* ‘дух гор’, нан. *ари* ‘идол’, ма. ари ‘злой дух’; 10) ма. *илзэхэдэо* ‘дух- губитель’ (ССТМЯ 1, 308).

Предварительный итог исследования составляют более 200 лексем, идентифицируемых как тюркизмы по нетривиальным отражениями согласных *δ, z, š, č, *j-, каждая из которых насчитывает от 1 до 30 и более ранее не замечаемых проявлений в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Идентификация слов как заимствований основана на следующем: 1) изолированность или редкость слов в тунгусских языках; 2) культурный характер семантики; 3) отсутствие морфологической вариантности; 4) почти полное отсутствие семантических различий. Их появление объясняется тем, что тунгусы, мигрировавшие в левобережье Амура и другие смежные районы несколькими волнами в период после распада тунгусо-маньчжурской общности (с нач. 1 тыс. до н.э. до сер. 1 тыс. н.э. — времени разделения эвенков и эвенов) целиком ассимилировали провинцию, население которой говорило на пратюркских диалектах. Количество таких диалектов, если оценивать его по комбинациям рефлексов вышеперечисленных фонем в отдельных словах, составляет не менее 25–30 диалектов и языков, большая часть которых близка современному якутскому языку — что ожидаемо по ареальным соображениям.

Сделанные наблюдения означают, во-первых, то, что история тюркских языков может быть по данным таких заимствований удревнена на 1700 лет по сравнению с письменными памятниками и может уходить к 1 тыс. до н.э. Во-вторых, данная перспектива достижима и достигнута только в рамках общеалтайской реконструкции и доказанного общеалтайского единства. В-третьих, единственной из реконструкций пратюркского состояния, способной выжить под давлением новых фактов, оказывается общепринятая ныне тюркская реконструкция, представленная в работах Б.А. Серебrenникова и Э.Р. Тенишева. В-четвертых «контралтаистические» соображения на тюркском материале не только оказываются лишенными перспективы, но и терпят очевидный крах.

Сокращения:

ССТМЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., 1975; Т. II. Л., 1977.

А.Х. Гирфанова

Балканская топонимия тюркского происхождения

Аннотация: Роль тюркского элемента в формировании балканской культурно-исторической общности не менее важна, чем восточнославянские и восточнороманские компоненты. Проблема тюркизмов на Балканах не сводится к выявлению турецких (османских) заимствований. В словарном составе албанского, южнославянских, восточнороманских языков, а также в балканской ономастике (топонимии) имеется ряд невыявленных тюркизмов.

Чаще всего это была ономастическая лексика — названия племен, имена собственные, ойконимы и т. д., извлекаемые из арабских, византийских, славянских, западноевропейских источников. Бытовавшие на Балканах древние тюркские названия были «затемнены» османскими топонимами, которые, в свою очередь, заменялись на греческие, славянские, романские формы в процессе противостояния турецкому влиянию.

Ключевые слова: тюркские и турецкие заимствования, балканские языки, языки юго-востока Европы, ономастическая лексика, топонимия.

Albina H. Girfanova

The Balkan toponymy of Turkic origin

Abstract: The problem of the Turkisms in the Balkan region isn't reduced to the ascertainment of the Turkic (Osman) borrowings, and should completely include the analysis of Turkisms in the vocabulary of Albanian, Rumanian, Bulgarian and other languages of the Balkan region. The languages of the nomads, who were mostly the speakers of Turkic dialects, mainly Oghuz, remain only as insignificant relics. Usually it is place-name vocabulary (names of tribes, personal names, oikonims), found in Arabic, Byzantine, Slavic, Hungarian and Western European sources. The ancient Turkic borrowings, that used to be in the Balkans, were later ousted ("obsured") by the Osman type, were in turn substituted during the process of confrontation of the national traditions with turkic influence by Greek, Slavic or Romance forms.

Key words: Turkic and Turkish borrowings, the Balkan languages, the languages of the South-Eastern Europe, onomastics, toponymy.

Роль тюркского элемента в формировании балканской культурно-исторической общности не менее важна, чем восточнославянские и восточнороманские компоненты. В словарном составе албанского, южнославянских, восточнороманских языков, а также балканской ономастике (топонимике, прежде всего) имеется целый ряд невыявленных тюркизмов [2].

Как отмечает Н.А. Баскаков, Восточная Европа оказалась «своеобразным резервуаром, консервирующим многочисленные этнические отложения мигрировавших с востока на запад кочевников и их языки» [1. С. 225]. Языки кочевников в основной своей массе относились к тюркским наречиям, преимущественно огузским, дошли до нас «незначительным остаточным материалом» [там же]. Чаще всего это была ономастическая лексика – названия племен, имена собственные, ойконимы и т.д., извлекаемые из арабских, византийских, славянских, западноевропейских источников. Бытовавшие на Балканах древние тюркские названия были «затемнены» османскими топонимами, которые, в свою очередь заменялись на греческие, славянские, романские формы в процессе противостояния турецкому влиянию.

Греческие, венгерские, а также сербские ареалы, как правило, сохраняли свои исконные названия. В Севлиевской околии, несмотря на турецкую колонизацию края в прошлом, насчитывается около 150 тюркизмов (всего из 8 958 названий) [4. С. 68].

Имена турецкого происхождения встречаются реже по мере продвижения на запад, практически исчезая в Боснии и Герцеговине. В то время как в Косово с албаноязычным населением обнаруживаются тюркизмы, восходящие к куманскому наследию [7]). Здесь применяется критерий выделений слов куманского происхождения — факт их употребления до начала османского завоевания Балкан.

Минимально количество топонимов тюркского происхождения в Румынии, за исключением Добруджи, но здесь отмечается значительный пласт печенежско-куманского времени. Около 150 топонимов (гидронимов) локализируются в пределах левобережного Подунавья [6. Р. 167–169]. 15 предположительно куманских топонимов и свыше трехсот ногайских названий населенных пунктов отмечены в соседней Молдавии. Всего лишь несколько поселений основаны и названы гагаузами, занявшими после 1807 г. оставленный ногайцами «татарский угол» — юг Бессарабии [3. С. 43].

При активной адаптации тюркской лексики всеми балканскими языками многие названия в качестве «турцизмов» (тюркизмов) не воспринимаются. Так, А. Саламбашев замечает, что «трудно четко разграничить имена, возникавшие на турецкой почве, от имен, возникавших на болгарской почве, так как многие из таких имен могут рассматриваться в качестве заимствований в местных говорах» [5. С. 39].

Чаще всего оформление географических названий тюркского происхождения предполагает так называемую множественную этимологию (термин румынских языковедов), т.е. говорит об их аллогенетической природе.

Литература:

1. *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. М., 1969.
2. *Гирфанова А.Х., Сухачев Н.Л.* Заметки по балканской топонимии тюркского происхождения (Арджеш, Артан, Балабнци и др.) // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1993. Вып. 2–3. С. 195–208.
3. *Еремия А.И.* Нуме де локалитэць: Студиу де топонимие молодове-няскэ. Кишинэу, 1970.
4. *Ковачев Н.* Топонимията на Троянско. София, 1969.
5. *Саламбашев А.* Местните имена в Смолянско. София, 1976.
6. *Conea I., Donat I.* Contribution a l'étude de la toponymie péchéne-gue-comane de la plaine roumaine du Bas-Danube // Contribution onomastiques. Publ. a l'occasion du VI Congres international des Sciences onomastiques à Munich du 24 au 28 Août 1958. Bucarest, 1958. P. 139–169.
7. *Schütz I.* Les contacts médiévaux albano-comans reflétés par l'ononastique de Kosovo // Acta orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1986. V. 40. P. 293–300.

Viktor G. Guzev

Rus ve Türk Dilbiliminde Çatı (Diathesis) Kavramı Üzerine

XX. asrın ilk yarısında çatı kavramı [1], Akademisyen V. V. Vinogradov tarafından ele alınıp etraflıca incelenmiş ve genelleştirilmiştir. Gerçekte bu kavram, Rus dilbiliminde yeni değildir, Rusya'nın eski dönemlerinden beri bilinmektedir. Rusya'da bu kavramdan ilk kez Meletiy Smotritskiy (1577–1633) bahseder. Onun gramerinde çatı kavramı öğreti haline getirilip geliştirilmiştir. *Çatı* (Rus. *залог* [zalog]) terimi, Yunanca *diathesis* kelimesi ile ilgilidir. Bu dilde söz konusu kelime, nesnel gerçeklikteki “eylem (hareket)” ile “eden (fâil)” arasındaki bağıntıların karşılayıcısıdır. Rusçada çatı kategorisi kavramı da bu yönde şekillenmiş ve kabul görmüştür. Ancak dilbiliminde eski zamanlardan günümüze kadar geçen süre zarfında söz konusu terimin içerik ve işlevlerine ilişkin farklı görüşler, çelişkili anlayışlar da doğmuştur [2].

Bugünlere değin Rusçanın gramerlerinde çatı kavramının tarihsel gelişimi üzerine gerçekleştirilen araştırmalar, bu kavramın dilin anlamlar sistemi içinde yer aldığı, diğer kavramlarla bağıntılı olduğu ve bu nedenle birlikte incelenmeleri gerektiği görüşünü öne çıkarmaktadır. Ancak teorik dil çalışmalarının bulguları ışığında derinlik kazanan çatı kavramı, Jan Baudouin de Courtenay / İvan A. Boduen de Kurtene'nin (1845–1929) dilbilimi alanındaki buluşlarıyla yakından ilgili değildir. Baudouin öğretisinin gereğince anlaşılammış olması nedeniyle bazı dilciler tarafından söz konusu buluşların göz ardı edildiği, bu tutumun günümüzde dahi devam etmesinden kaynaklanan ihmallerin olduğu burada ifade edilmelidir. Bizce Baudouin öğretisi bilinmeden çatı kavramı doğru bir şekilde anlaşılamaz.

Bilindiği gibi, J. Baudouin de Courtenay'nin köklü buluşlarının başında (genellikle Ferdinand de Saussure ile ilişkilendirilen ya da ona atfedilen) *dil* (*dil sistemi*) ile *söylem* (*söz, söylev*) gerçeğinin farklı alanlar olduğu ve ayrı ayrı incelenmeleri gerektiği anlayışı yer almaktadır [3]. Bu görüş, çağdaş dilbiliminde dilin kavramlar sisteminin kuruluşuna yansımıştır. Buna göre *dil* (*dil sistemi*), “dilleşmiş” (J. Baudouin de Courtenay) düşünme ediminin bir kısmı, bildirişim etkinliğinin ayrılmaz, ideal mekanizması olan bir

bilmedir. *Söylem* ise, konuşanlarca anlatılanı/manayı temsil etmek, bildirişim gereksinimini karşılamak için kullanılan maddi bir gösterge (kelime) ya da (çoğunlukla) göstergeler dizisidir [4]. Öte yandan dünya unsurlarının (nesne/varlık, nitelik/vasıf ya da bağıntı/sirkonstanların), bildirişim amacıyla uyumlu hale getirilmiş soyut yansıması, soyut imgesi niteliğinde kabul edilen *anlam (semantem)* kavramı ile bildirişim eyleminde vericiden alıcıya aktarılan düşünme içeriği arasındaki temel farkların, bilgilerin çoğu tarafından bugüne değin görülememesi bir eksikliktir. İşlek çatı şekilleri ile kalıplaşmış/leksemleşmiş oluşumlar, çatı anlamları ile onlar tarafından iletilen herhangi bir düşünme içeriği (anlatılan, mana) arasında fark gözetilmemesi ve de çatı anlamlarının, fiil gövdelerinin anlamlarına ya da “cümlelerin anlamı”na bağlı olduğu kabulü, dil içi anlam ile söylemdeki anlatılanların karıştırılmasının tezahürleridir [5].

Dilbiliminde Baudouin öğretisinin dikkate alınmaması nedeniyle ortaya çıkan görüş ayrılıkları bu kadarla da sınırlı değildir. Örneğin, leksem üretimi ile kelime çekimi alanında morfolojinin ve söz diziminin yapı birimlerine ilişkin geleneksel, eskimiş kavramlara bağlı kalınması, özellikle de dönüşlü çatılar ile dönüşlü olmayan fiiller arasındaki ilişkilerin yorumlanmasında dilbilimcileri çıkmazlara sürüklemiş, doğru yönde atılması gereken adımları geciktirmiş ve bu ikilem, beklenen ilerleyişin gelişmesine engel olmuştur.

Çağdaş dil araştırmacılarının eserleri incelendiğinde Baudouin de Courtenay'nin teorik mirasına gereğince sahip çıkılmadığı kaygıyla gözlemlenir. Gerçi sonraki yıllarda Baudouin öğretisini geliştirme gayretleri de görülmektedir. Bu hususta “dil (sistemi)” kavramına yönelik görüşlerinden dolayı L. V. Şçerba'nın adı öncelikle anılmalıdır. Ayrıca söylem alanında şekil çekimleyici oluşumlar esasında geliştirilen “kelime şekli” kavramı [6]; dil sisteminin en küçük, iki taraflı, anlamlı birimleri için geliştirilen “monem” kavramı [7]; dil içinde/dil sisteminde morfolojinin yapı birimlerini temsil eden “gramer şekli” [8] ve bunlar gibi zaman zaman öne çıkan yeni teorik arayışların dilbiliminin gerektirdiği seviyede bilimselliğe ve yaygınlığa haiz oldukları memnuniyet vericidir.

Akademisyen Vinogradov'un belirttiği üzere çağdaş Rusçada çatı kategorisinin, *одевать+ся* [odevat'+sya] “giyinmek” örneğinde görüldüğü gibi, *-ся* [-sya] ekini barındırması, hem de aynı fiilin dönüşlü olmayan, yani söz konusu eki içermeyen (*одевать* [odevat'] “giydirmek”) biçiminin bulunması, teknik araçların, diğer bir deyişle dış şekillerin farklılığından kaynaklanır [9]. Rus dilbiliminde “dönüşlü fiiller” topluluğu, işlek çatı

bağıntısı anlamını ileten fiil kelime şekillerinin yanı sıra, *-ся* ekine sahip oldukları halde dönüşlü çatıyla ilgisi olmayan (Örneğin aşağıda “orta” ve “ortak çatı” şekli olarak verilen oluşumlar) çok sayıda bağımsız fiil leksemını kapsayan ve öznel anlatılanları temsil etme yetisine sahip olan bir topluluktur. Bu durumun gözden uzak tutulmaması gerekmektedir. Nitekim Vinogradov, Rusçadaki çatı kategorisini leksik ve gramatik olayların, farklı cinsten oluşumların bir “yumağı” olarak karakterize etmiştir [10].

Görüşümüze göre bu karmaşık sorunlar yumağı, gramer teorisi mükemmelleştikçe, eylemlerle nesnel arasındaki bağıntılar hakkındaki bilgi iletimi aydınlandıkça, farklı dillerdeki araçlar öğrenildikçe adım adım çözülecektir.

Şimdilerde Rusçadaki çatılar üzerine tek değil, birden çok farklı görüş hâkimdir. Vinogradov, Rusçadaki fiillerin, gövde şekliyle “dönüşlülük” ekli şekilleri arasındaki karşılıklı bağıntıları, açmak gerekirse eylemle edeni (fâili) veya edileni (mefülü, objesi) arasındaki ilişkileri yansıtan “*ortak kavramın nüanslarını*” dile getirme işlevinin bulunduğunu tahmin etmiştir [11]. Görüşümüze göre bu çok verimli ve usa uygun tahmin, şöyle bir anlayışın biçimlenmesine zemin hazırlamıştır: Dönüşlü, işteş ve edilgen bağıntıların zihinsel yansımaları/ingeleri birbirine yakın, bir türden olması nedeniyle *ortak/tek bir dil anlamı* ile karşılanabilir. Şu halde Rusçada sadece iki, yani *etken* ve “*dönüşlü*” — Buna *genel çatı* dersek usa uygun olur- çatı şeklinin varlığından söz etmenin gerekliliğini itiraf etmeliyiz. Bunun karşıtı en yaygın görüşe göre ise, “dönüşlü fiiller”in içeriğinde (Latince ve diğer Hint-Avrupa dillerinde bilinen çatılarca) ifade edilen bilgiye [12] dayanılarak Rus dilinde “dönüşlü”, “işteş” ve “edilgen çatılar” tespit edilmiştir [13].

Yine Rusçada Hint-Avrupa (bükünlü, çekimli) dillerine özgü *sıfır morfem* in (*görevsel sıfır, anlamlı yokluk*) bulunduğu hareketle sıfır morfemle temsil edilen, eylemle bağıntıda olan nesnenin, söz konusu eylemin edeni olduğunu bildiren **etken çatının** bulunduğu kabul edilir: ör. *Заяц ест* [Zayats yest] “Tavşan, yiyor”.

Bizce Rusçada **genel (“dönüşlü”)** çatının sahip olduğu *tek anlam* aracılığıyla aşağıda sözü edilen, eylem ile nesne arasındaki şu bağıntılar dile getirilir:

1. Dönüşlü bağıntı: Edenin gerçekleştirdiği eylemin herhangi bir surette kendisini etkilediği, edenin, bu eylemle ya dolaysız (*Он одевает+ся* [On odevayet+sya] “Giyiniyor”) ya da dolaylı olarak (*Он прогуливает+ся* [On progulivayet+sya] “Geziniyor”) bağıntıda olması.

2. İşteş bağıntı: Eylemin, birden fazla eden ile bağıntıda bulunduğu (ör. *встречать+ся* [vstreçat'+sya] “buluşmak”, *общать+ся* [obşçat'+sya] “görüşmek”, *драть+ся* [drat'+sya] “dövüşmek; savaşmak”).

3. Edilgen bağıntı: Eylemle ilgili olan nesnenin, eylemin edileni olduğu (*Работа выполняется лучшими мастерами* [Rabota vıpolnyayet+sya luçşimi masterami] “Çalışma, en iyi ustalar tarafından yerine getiriliyor”). Edilgen bağıntı, Rusçada bitimli (finit) fiil şekilleriyle nispeten sınırlı ölçüde dile getirilir. Buna karşılık ortaç ve ulaçlarla verimli olarak aktarılır [14].

Rus dilbiliminde kabul gören diğer iki, yani “orta (medial)” ve “ortak (müşterek) çatı” kelime şekli olarak yorumlanan oluşumlar, bizce çatı değildir. Bunlar leksemleşmiş bağımsız fiillerdir.

Orta “çatı”, varlığın iç veya dış durumunun değiştiğini bildiren fiil şekli olarak yorumlanır: ör. *Дом обрушил+ся* [Dom obruşil+sya] “Ev (kendiliğinden) yıkıldı”, *Ребёнок родил+ся* [Rebyonok rodil+sya] “Bebek doğdu” [15]. Oysa *падать* [padat'] “düşmek”, *вставать* [vstavat'] “kalkmak”, *просыпаться* [prosipat'sya] “uyanmak” vb. örneklerdeki bilgi içeriği, çatı kavramıyla ilgisi olmayan fiiller tarafından da dile getirilebilir. (<ANLAŞILMIYOR) Görüldüğü gibi, orta fiilin anlamı, eylemle nesne arasındaki bağıntıları yansıtmadığı için çatı anlamı olarak yorumlanamaz [16].

Ortak “çatı”, kişinin iç durumunu ya da onun öznelik eylemini ileten fiil şekli olarak kabul edilir: *волновать+ся* [volnovat'+sya] “heyecanlanmak”, *боять+ся* [boyat'+sya] “korkmak”, *смеяться+ся* [smeyat'+sya] “gülmek” [17]. Birincisi, böylesi oluşumlar, anlamsal içerikleriyle *переживать* [perejivat'] “merak etmek, endişelenmek”, *горевать* [gorevat'] “kederlenmek, üzülmek”, *дрожать* [drojat'] “titremek” vb. kelime şekli olmayan fiiller dizisinde işlev görürler ve çatı şekli olarak değil, leksem niteliğinde yorumlanabilirler. İkincisi, F. F. Fortunatov’un da belirttiği üzere, Rusçada kendisinden “dönüşlü fiil” üretilen gövde (**боять*, **смеять*) yok ise çağdaş dildeki *боять+ся*, *смеяться+ся* gibi birimler de çatı şekli kabul edilemez [18].

Böylelikle Rus dilbiliminde “dönüşlü fiiller” terimi, dönüşlü, işteş ve edilgen bağıntıları ileten çatı oluşumunun yanı sıra, *дивиться* [divit'sya] “hayranlıkla, hayretle bakmak”, *догадываться* [dogadıvat'sya] “sezmek, tahmin etmek”, *подниматься* [podnimat'sya] “(yukarı) çıkmak, yükselmek”, *рыться* [rıtsya] “eşmek, eşelemek”, *ухитряться* [uhitryat'sya] “zor olan, hüner gerektiren bir işi kurnazlıkla başarmak” gibi -ся ekine sahip olup çatıyla ilgisi olmayan çok sayıda müstakil fiil leksemmini kapsayan bir kavramı temsil eder.

Ruşçadaki çatıdan farklı olarak Türkçedeki dört çatının -Bizce Türkçede etken çatı yoktur- her birisinin dış, yani teknik yönden özelliği, açık seçiktir. Her bir şekil, dil dizgesinde belirgin olarak kendi öz morfemine, söylemde ise bir eke sahiptir: *Dönüşlü çatının* -(I)n/-(U)n, *işteş çatının* -(I)ş/-(U)ş, *edilgen çatının* -(I)n/-(U)n ve -(I)l/-(U)l, *ettirgen çatının* -DIr/-DUr ve -t morfemi vardır.

Türkçede etken çatı konusunda şu husus göz önünde bulundurulmalıdır. V. G. Guzev, D. M. Nasilov, D. İ. Yelovkov ve V. B. Kaseviç, Türkçenin kuruluşunda şu özelliğin bulunduğu kanaat getirmişlerdir: Söylemde kullanılacak ek (yani dil içinde morfem) mevcut değil ise dil sisteminin morfoloji alt sisteminde de söz konusu şekil yoktur [19]. Kanaatimizce çatı ekinden yoksun fiil gövdesi, hiçbir çatı bilgisini dile getirmez, diğer bir deyişle çatı bağıntısını iletmeye yetkisizdir (*irrelevant*) ya da tersine herhangi bir bağıntıyı aktarabilir: *Göçtük yurdun kadri konduk yurtta bilinir* [20]; *içecek su; Oturacak yerim yok* vb. Verilen örneklerde eylemle bağıntıda bulunan nesne olan *yurt* ve *su*, eylemin edeni değil, edileni; *yer* ise eylemin geçtiği mekan rolünde faaliyet gösterir. Oysa Türkçede sıfır morfem ile iletilen etken çatının bulunduğunu ileri sürebilmek için maddi ekin olmaması ve bunun *belirli, somut bir bağıntıyı* iletiliyor olması gerekir. Dolayısıyla “yetkisiz olma” ile (sıfır morfem ile bildirilen) “işaretli olma” birbiriyle karıştırılmamalıdır.

Nesne ve eylem (süreç) bağıntılarında sözdizimsel öznenin (süjenin) eden olarak algılanması (ör. *Tavşan yiyor, Ders başladı, Öğrenciler geldi* vb.), Türk dünya manzarası açısından gramer yöntemiyle ifade edilmesine ihtiyaç duyulmayan doğal bir olgudur. Hem de yukarıda söylendiği gibi Türkçede morfemsiz leksemin gramer şekli olamaması, bu dilde etken çatının bulunmadığına delalet eder.

Türkçede bulunan çatılara gelince, **dönüşlü çatı**, bazı diğer dillerde olduğu gibi, eylemle edeni olan nesne arasında edenlik ilişkisinden başka, edene yönelik diğer/ilâve bir (dolaysız veya dolaylı) bağıntının da bulunduğunu ileten anlama sahip fiil şeklidir. Başka bir deyişle bu çatı, fâilin yerine getirdiği eylemin herhangi bir surette kendisini etkilediğini, kendisine döndüğünü/ değdiğini bildiren fiil şeklidir: *Çocuk giy+in+iyor; Çocuk gez+in+iyor* vb.

İşteş çatı, eylemin birden fazla edeni olduğunu bildiren anlama sahip fiil şeklidir: *Çocuklar çimenlerde koş+uş+tular* (Vasıf Öngören).

Edilgen çatı, bazı diğer (örneğin, Bulgarca, Rusça, çağdaş Almanca, Fransızca) dillerde olduğu gibi, bir değil, iki anlama sahip dil aracıdır:

1) Eylemle ilgili olan nesnenin, eylemin edeni değil, edileni olduğunu bildiren anlam (*Koyun ye+r* ve *Koyun ye+n+ir* tipindeki örneklerin karşılaştırılmasından ortaya çıkan anlam); 2) Konuşan tarafından eylemin edeninin, herhangi bir kişinin olabileceği soyut bir fâil tasarımı niteliğinde düşünüldüğünü bildiren anlam (*Burada yüksek sesle konuş+ul+maz* örneğinde görüldüğü gibi). Dolayısıyla *edilgen çatı*, eylemle ilgili olan nesnenin, eden değil, edilen olduğunu ya da eylemin edeninin herhangi bir kişinin (meçhul) olabileceğini dile getiren fiil şekli sayılmalıdır.

Rusçada olmayan, buna karşılık Türkçede bulunan **ettirgen çatının** anlamı, eylemin, kendisini yerine getirmeye teşvik edilen bir nesne ile bağıntılı olduğunu bildiren anlamdır: *Bu hadise bana her şeyi unut+tur+du* örneğinde *unutmak* eylemi, bu eylemin gerçekleştirilmesine teşvik edilen (yani *bana* zamiri ile dile getirilen) nesne ile bağıntılıdır. Diğer bir deyişle *ettirgen çatı*, eylemin, bunun yapılmasına teşvik edilen varlıkla bağıntılı olduğunu bildiren fiil şeklidir.

Gözden geçirilen dört Türkçe çatı şeklinin beş anlamında bir ortak içerik vardır: O da, her anlamın, eylemle nesne arasındaki *belirli bir bağıntıyı* yansıtması ve iletmesidir. İşte bu ortak anlamsal içerik esasında söz konusu şekiller, *çatı ulamını* oluşturur.

Türkçede orta (medial) anlama sahip, fakat teknik açıdan farklı (yani dönüşlü, işteş ve edilgen) çatı kelime şekilleri (örneğin, *çırpınmak*, *dövünmek*, *kalkınmak*, *sıkışmak*, *tutuşmak*, *yatışmak*, *yıklmak*, *yorulmak* gibi) olan oluşumlar, Rusçadaki orta anlamlı oluşumlar gibi, çatı sayılamaz [21]. Bunlar dönüşlü, işteş ve edilgen çatı kelime şekillerinin kalıplaşması/leksemleşmesi ile oluşmuş geçişsiz orta (anlamlı) fiillerdir.

Rusça ve Türkçe çatıların karşılaştırılması, aşağıdaki görüşlerin oluşmasına yol açar:

Yapı bakımından farklı dillerin fiil şekilleri, kısmen aynı *eylem ile nesne/varlık arasındaki bağıntıları* (yani dönüşlü, işteş, edilgen) iletir.

Dillerde şekilbilimi aracılığıyla dile getirilen *farklı nesne – eylem bağıntıları* bulunur: Sıfır morfem de dâhil şekilbilimsel araçlarla Türkçede iletilmeyip Rusçada aktarılan, *etkenlik*; Rusçada dile getirilmeyip Türkçede iletilen, *ettirgenlik bağıntıları* gibi.

Diğer dillerin malzemesine başvurulduğunda İngilizcede dönüşlü bağıntının sadece leksik yöntemle dile getirildiğine (yani dönüşlü çatının bulunmadığına); edilgenlik bağıntısının iletilmesinde ise analitik edilgen çatı şeklinin (*He is loved by them* “Onlar tarafından sevilir”) işlev gördüğüne

kanaat getirilir [22]. Fransızca da hiç olmazsa dönüşlü [*Christophe s'enfoncé dans son lit ...* “Christophe yatağına büzülüyor/gömülüyor” (R. Rolland, *Jean-Christophe*)] ve edilgen [*Cette fois, il est fouetté.* “Bu kez [bebek] cezalandırılıyor” (R. Rolland, *Jean-Christophe*)] çatılar vardır. Aynı çatılar Almancada da bulunur: ör. *Ich rasiere mich* “Tıraş oluyorum” (dönüşlü bağıntı), *Wir versammeln uns* “Toplaşıyoruz” (işteş bağıntı); *Das Haus wird gebaut* “Ev yapılmaktadır/inşa edilmektedir” (edilgen çatı). Rusça’nın yakın akrabası olan Bulgarca da ise çatı mekanizması, Rusçadakinden farklı değildir: Genel çatı, üç bağıntıyı (dönüşlü, işteş ve edilgen bağıntıyı) dile getirir [ör. *Аз се бръсна.* “Tıraş oluyorum” (dönüşlü bağıntı), *Ние се събираме* “Toplaşıyoruz” (işteş bağıntı), *Къщата се строи* “Ev yapılmaktadır” (edilgen bağıntı)].

Birleşimli (sentetik) ettirgen çatı, sözü geçen dillerde yoktur. İngilizce ile Fransızca da analitik ettirgen çatı olarak yorumlanması mümkün, “yapmak” anlamlı fiil ile ana içeriği ileten fiilden ibaret olan yapılar (İng. *make laugh*, Fr. *faire rire* “güldürmek”) kullanılır.

Kuruluş (yapı) bakımından farklı ve akraba olmayan dillerde *eylemler ile nesnelere arasındaki aynı bağıntıların* yansıtılıp bunların morfolojik araçlarla ifade edilmesi ve de benzer araçların diğer Hint-Avrupa ve Türk dillerinde yer alması, bu olguların pek önemli bir dil evrenseli olmasına tanıklık eder.

Söylenenler ışığında şunu itiraf etmek gerekir: Ayrı dillerdeki çatı ulamlarının eş değerde yorumlanabilmesi için teorik dilbilimi, yapıcı farklı dillerin malzemesine dayanan ve her geçen gün geliştirilmekte olan çatı şekli ve ulamı, çatı bağıntıları kavramlarını içeren genel çatı kuramına muhtaçtır.

Rusça ve Türkçe çatıların tahlili, çatı kavramının tarafımızdan daha önce kabul edilmiş olan yorumunu [23] geliştirmeyi olanaklı kılıyor: Bizce çatı kavramını, sadece eylem ile nesnelere arasındaki bağıntıları ileten dil araçları olarak tanımlamak, yeterli değildir. Çünkü eylem ile nesnelere arasındaki bağıntılar, fiil geçişliliği ve yönetme/gerektirme tarafından da aktarılır. Dolayısıyla hal şekilleri (*kitab+ı oku-*, *ev+e gel-*), hal şekli + ilgeç yapıları da (*ev+e kadar yürü-*) göz önünde bulundurularak çatı kavramının yeniden işlenmesi gerekmektedir. Özetle, çatının, eylem ile varlıklar arasında *sadece belirli, somut* (yani *etken, dönüşlü, işteş, edilgen, ettirgen* gibi) bağıntıları ileten morfolojik fiil şekilleri olduğu kabul edilmelidir.

Каунакça:

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М.: Дом Книга, 2007.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М.: Высшая школа, 1972.

Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках // Вопросы языкознания. 1975. № 3. С. 98–111.

Гузев В.Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015.

Еловков Д.И., Касевич В.Б. Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии // Вестник ЛГУ. 1979. № 8. С. 71–77.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть вторая. Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1960.

Мельников Г.П. Бодуэновское понимание системности языка // Языковая практика и теория языка. Вып. 2. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 32–51.

Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики // Советское радио. М., 1978.

Мещанинов И.И. Глагол. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

Реформатский А.А. Введение в языковедение / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект пресс, 1996.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове: Проблема «отдельности» слова // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию / под ред. В.В. Виноградова. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 182–203.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во на иностранных языках, 1959.

Aksoy Ö.A. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. II Deyimler Sözlüğü. İstanbul: İnkılâp Kitabevi, [t.y.].

Korkmaz Z. Gramer Terimleri Sözlüğü. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1992.

Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi). Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2003.

Martinet A. Eléments de linguistique générale. Paris: Librairie Armand Colin, 1960.

Vardar B., Güz N., Huber E., Senemoğlu ve O., Öztokat E. Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü. İstanbul: Multilingual, 2002.

Notlar

1. Türkçe dilbilim terimleri kaynağı olarak kullanılan eserler: *Korkmaz Z.* Gramer Terimleri Sözlüğü; *Korkmaz Z.* Türkiye Türkçesi Grameri (Şekil Bilgisi); *Vardar B.* vd. Açıklamalı Dilbilim Terimleri.

2. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 476–511.

3. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. С. 67–95.

4. *Мельников Г.П.* Бодуэновское понимание системности языка. С. 32–51.

5. Örneğin bk.: *Мещанинов И.И.* Глагол. С. 118–134.

6. *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове: Проблема «отдельности» слова.

7. *Martinet A.* Eléments de linguistique générale. Paris, 1960. P. 19–21; *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 255.

8. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. С. 261.

9. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 494.

10. Age., s. 501.

11. Age., s. 494.

12. Örneğin bk.: *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть 2. С. 345–408.

13. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. С. 152–154.

14. Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. С. 502–504.

15. Örneğin bk.: *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 253–258, 267–290; *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. С. 188.

16. Başka görüş için bk. Э. Бенвенист «Активный и средний залог

в глаголе» (*Бенвенист Э.* Общая лингвистика. С. 184–191).

17. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. С. 153.

18. *Aktaran: Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). С. 482–483.

19. *Гузев В.Г., Насилов Д.М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках; *Еловков Д.И., Касевич В.Б.* Некоторые проблемы лингвистики в свете материала языков Юго-Восточной Азии.

20. *Aksoy Ö.A.* Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü. II Deyimler Sözlüğü. S. 288.

21. *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 140–141.

22. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. С. 264.

23. *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. С. 129.

M.E. Dubrovina

Some Interesting Cases in the Use of Causative in the Yakut Language

Abstract: In the present report, the author makes an attempt to revert to the study of Turkic collateral category from the standpoint of theoretical linguistics. Traditionally, many linguists believe that the grammatical form of causative signals the connection of action and the object in which the object has been induced to act. According to the opinion of author, this grammatical form is a morphological indication, firstly, of the relation between the action and the subject, rather than the object, and secondly, the subject is understood as an initiator of action, in question.

Key words: Turkology, The Voice, the category of collateral, causative.

М.Э. Дубровина

Несколько интересных случаев употребления понудительного залога в якутском языке

Аннотация: В докладе рассматривается тюркская категория залога в целом и форма понудительного залога в частности с позиций теоретического языкознания. Традиционно полагают, что понудительный залог сигнализирует о связи действия и предмета, при котором предмет понуждается к действию. По мнению же автора, эта залоговая форма представляет собой морфологическое средство указания, во-первых, на отношение между действием и его субъектом, а не объектом, а во-вторых, субъект понимается как инициатор действия, о котором идет речь.

Ключевые слова: тюркология, категория залога, понудительный залог, каузатив.

The author continues study of the causative form in the Turkic languages. As the material for these researches there have been used numerous examples and illustrations of causative in texts and grammars of the Yakut language. Before proceeding to the consideration of its functional features in the Yakut language, it seems necessary to dwell again on the very concept of voice.

The most common definition of this category in grammar is the following, the voice of a verb, also called diathesis and (rarely) the gender of a verb, describes the relationship between the action that the verb expresses and the participants identified by its arguments (subject, object, etc.). (<https://en.wikipedia.org/wiki/Voice>)

In Turkic linguistics in this category paid a lot of attention. In the Turkic languages, unlike Indo-European this category is very developed and has more forms, among which reflexive, reciprocal, causative and passive. All these forms are used much more often in speech than voice's forms in European languages. We can say that in European languages there are only two forms: the active voice the passive voice, in some languages it is possible to meet also the middle voice. Therefore, we cannot say that in Western linguistics, this concept was well designed.

According to the author, the category of the Voice is the inflectional category, in the meaning of each of the forms which is reflected in and reinforced one of the varieties of relations between actions and one of its arguments. [3.C. 53].

However, important to understand the functioning of this category in the speech is the determination of which argument is associated with the action, its subject or its object. In the Turkic linguistic tradition can meet supporters of the viewpoint that the Voice expresses the attitude between the action and its **subject**, [7. C. 454]. There is also an opinion that the connection occurs between the action and its **subject** or **its object** [1. C. 333].

Nevertheless, the actual material of different Turkic languages, and long-term studies of this topic are increasingly pushing the author to the conclusion, the Voice as a grammatical category indicates the relationship of the action only with its subject. Thus, each form reports information about a particular variety of relationship that occurs between the action and the object that is perceived as its grammatical subject [4].

This article examines the use of causative in the Yakut language is to confirm the preceding hypothesis.

Already O.N. Betling noted a large number of affixes, by which causatives are formed in the Yakut language [2. C. 315]: -т, -гар, -ар и -ыар. The use of causative in the Yakut speech demonstrates not only the diversity of formal indicators, but they transmit a variety of meanings, some of these meanings I would like to elaborate, since they are able to reinforce the idea ,which were discussed above.

First of all, in Yakut, as in other Turkic languages, this indicator is often used to convert intransitive verbs into transitive:

Кини кус өл+өр+бүт ‘He killed a duck.’ (өл- ‘to die’)

Мин эти буһ+ар+дым. ‘I cooked meat’ (бус- ‘to be cooked’)

Иңсэни яччык үөскэ+т+эр. **Аччыгы баттал хаңа+т+ар.** ‘Greed begets hunger. Hunger intensifies oppression’. (үөскээ- ‘to arise,’; хаңаа- ‘to thicken, to increase in weight’).

Үлэ киһи өйүн-санаатын кэңэ+т+эр ‘Work broadens the mind (thoughts) of a man’. (кэңээ- ‘become a wide’).

Ол курдук нэни сэргэхси+т+эр, **улугу уһугун+нар+ар.** ‘So he encourages lazy, awakens powerless.’ (сэргэхсий- ‘to be encouraged’, уһугун- ‘to wake up’).

Despite the fact that in the synchrony of language, such examples may not be perceived as productive causative forms and be used as a purely technical means of converting intransitive verbs into transitive, diachronically the grammatical meaning of these derived verbs can be traced in them too – the emphasis in those forms is on the fact that the leading role in the commission of an act belongs to its subject.

If we follow the position of those who are considering the causative as an grammatical instrument of communication between action and object, i.e. between the action and those who are impelled to action, beyond comprehension will be a large number of particular examples of this Voice in various Turkic languages. whereas, the one who is impelled to action, actually is the one who does this action in fact.

So the researchers who understand it is available only as a means of indicating the relationship between the action and its real doer is unable to adequately explain the use of collateral in the following sentence:

Куобах сохсоҕо баттаппыт ‘The hare was pressed down by flat piece of wood’. (бат- ‘to press down’).

Often researchers talk about such verbs that they have become independent lexical units, that sentences with such verbs have already become sustainable in speech. But it's unconvincing, because we can meet in the Yakut speech only word forms with causative suffixes that can be formed from a variety of verbs to transfer the same meanings. These verbal forms are not in dictionaries or in idiomatic phrases.

There is some difficulty analyzing this sentence, because it can be translated into European languages only in the passive form. Speaking

European languages, the linguist cannot translate this sentence differently. Therefore, linguists are beginning to attribute to the causative the passive meaning. However, you need to look at the situation through the eyes of Yakut and ask the question, why he used the causative form?

In a situation which is transmitted in the sentence involved three elements of the world: the hare, the flat piece of wood, press down.

The native Russian or English speakers see that the flat piece of wood presses down the hare, and of course, the flat piece of wood is active object, agent, because it makes action, but the hare is on the contrary a passive object, patient.

Such an interpretation, we often find in works of scientists — turkologists. [5. С. 64]. In my opinion, the reason for this understanding is the semantic interpretation of the objective situation imposed on the researcher's native, in this case, the Russian language. The flat piece of wood pressed down the hare, so hare is the passive object.

The author offers a different interpretation of this example, and it is correlated with the meaning of this morphological means. In our opinion, the causative indicates a connection between the action and its subject, wherein the subject is a *initiator* of action, it means the role of the subject is such that it is thanks to his initiative, the action was perfect.

The used term “initiative” should be understood both literally and figuratively, because, in specific situations a person (the subject) can openly call for action (through the order, request, urge), and covertly, through no resistance to its execution or simple through the acquiescence.

Based on the said language meaning, the speaker of the Yakut language intuitively chooses the verb in causative voice, knowing that the piece of wood, as the inanimate object, itself could not perform the action. The one who caused the action to ‘press down’ was the hare, being, though not intentionally, but the initiator of said action.

Yakut language demonstrates the interesting cases of using the causative, which in its original language meaning (paradigmatic meaning) (indicating the initiation of the action the grammatical subject), gets additional and unexpected speech meanings. It may used in cases where the subject causes a certain action (is a kind of source for the action, been guilty of actions), which in reality is made inanimate object, including animals.

Obviously, in some cases, the native speaker is aware that an inanimate object or a particular animal is not itself able to perform the action, then a

subject that is animate, or other animal (subject, grammatical subject of the action) may initiate such action, cause this action.

Кини ыкка ытыр+тар+быт. ‘he was bitten by a dog’ (literally, he “forced” the dog to bite)’. (ытыр- ‘to bite’).

Эн акка тэп+тэр+эйэйҕин. ‘Look, as if a horse kicked you (literally, you “not force” the horse to kick)’. (тэп- ‘to kick’).

[Мин] атахпын ыкка ытыр+тар+дым. ‘The dog bit my leg (literally, I allowed (initiated involuntarily) the dog to bite my leg)’ (ытыр- ‘to bite’).

It is assumed that, in accordance with stereotypes of the Yakuts, the actions of animals are initiated by people, because the animals against the people perceived as passive objects. Actions, though committed by their (people’s) connivance, negligence, etc., but nonetheless, happen with their submission, therefore, the subject of the verb in the causative voice is the main, he or it is the initiator of the action.

If the sentence involves an animal and an inanimate object, then there is another hierarchy. In this case, an animal can be perceived as something/ someone that is capable of initiating any action.

References:

1. *Baskakov N.A.* Karakalpak language II. Phonetics and morphology. Part I (parts of speech and word formation). Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1952.

2. *Betling O.N.* The language of the Yakuts / Trans. from the German. V.I. Rassadin. Novosibirsk: Nauka (Siberian department), 1989.

3. *Guzev V.G.* Essays on the Theory of Turkic inflection: Verb: On a material Old Anatolian Turkic language. Leningrad: Publishing house of Leningrad University, 1990.

4. *Dubrovina M.E.* A few words about the meaning of the cauzative in the Turkic languages // Prospects of development of modern humanitarian Sciences. Collection of scientific papers on the results of international scientific-practical conference. Voronezh, 2015. P. 120–122.

5. *Kharitonov L.N.* Voice forms of the verb in Yakut language. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963.

6. *Melnikov G.P.* Systemology and linguistic aspects of Cybernetics. Moscow: "Soviet radio", 1978.

7. *Sevortyan E.V.* Affixes of the verbal word formation in the Azerbaijani language. Experience in comparative research. Moscow: Publishing house of Oriental literature, 1962.

Ш.Н. Камалова

Аналитические формы в предикативных конструкциях (на материале текстов древнетюркских рунических памятников)

Аннотация: Предметом настоящего исследования является синтаксическая подсистема языка, точнее один из ее фрагментов — предикативные конструкции. Задачей данной статьи является структурно-семантическое описание одной такой синтаксической конструкции, компоненты которой связаны предикативным отношением. Особый же интерес вызывают конкретные речевые реализации такой предикативной конструкции, в качестве предиката которой выступает одна из аналитических форм языка древнетюркских рунических памятников.

Ключевые слова: Предикативные конструкция, категория аспектуальности, модель древнетюркских рунических текстов.

Abstract: The subject of this research is the syntactic subsystem of language, or rather one of its fragments - predicate constructions. The objective of this paper is the structural and semantic description of such a syntax, which components are connected predicative attitude. Of particular interest are the specific implementation of such a speech predicative structure, as a predicate of which is the one of the analytical forms of the language of ancient Turkic runic monuments.

Key words: predicative construction, category aspectuality, model, old Turkic runic text.

Предметом настоящего исследования является синтаксическая подсистема языка, точнее один из ее фрагментов — предикативные конструкции. Автор полностью солидарен с той позицией в языкознании, согласно которой синтаксис представляет собой фрагмент языковой системы, ответственный за построение и восприятие коммуникативных речевых единиц (высказываний) и содержащий:

1. Инвентарные единицы — **синтагмы**, являющиеся языковыми ответствиями функционирующих в речи слов и словоформ;
2. Совокупность правил линейного расположения слов и словоформ в речи;
3. Комплекс абстракций, представляющих собой типовые модели синтаксических конструкций, так называемые **синтаксические формы**;

4. Образы основных синтаксических функций, которыми наделяются все члены конструкций. [Цит. по: 5. С. 35].

Исходя из фундаментального разграничения языка и речи, необходимо признать, что в основе любого конкретного речевого высказывания, лежит типовая модель, по словам В.М. Павлова, синтаксическая форма, совокупность которых представляет собой уровень структурных единицы языка. [11; 2. С. 48].

Задачей данной статьи является структурно-семантическое описание одной такой синтаксической конструкции, компоненты которой связаны предикативным отношением. Особый же интерес привлекают конкретные речевые реализации такой предикативной конструкции, в качестве предиката которой выступает одна из аналитических форм этого языка. Фактическим материалом для исследования является корпус древнетюркских текстов, которые были составлены руническим письмом в период с VII по IX вв.

Предикативная структура представляет собой материальную, чаще всего лексическую реализацию логического суждения, содержащего какой-либо конкретный смысл. По Г.П. Мельникову, предикация — это «акт выведения нового знания из наличного» [10. С. 139]. Ее модель составлена из синтаксического субъекта (далее СС) и синтаксического предиката (далее СП). СС в конструкции лексически представляет предмет мысли, субъект; а СП — компонент конструкции, который лексически называет предикат логического суждения. В данной статье СП выражен одной из аналитических конструкций.

Для представления сущностей языковых знаков синтаксического уровня оказываются необходимы специальные символы. Отображение конструкции с помощью специальных символов называется моделированием конструкции. Каждый символ предполагает четкие, строго соблюдаемые «правила чтения», то есть скрытый за ним смысл. Поэтому, говоря о моделях, нужно четко осознавать, что имеется в виду, и через символы показывать необходимые смыслы. Символы должны обозначать все структурные компоненты, которые необходимы и достаточны, чтобы отождествить все имеющиеся фразы. Структурная схема должна содержать все компоненты, символы словоформ в составе предложения, необходимые и достаточные для выражения данного типового смысла. Никаких компонентов, кроме необходимых, модель не должна содержать. Структурные схемы моделей фиксируются структурными форму-

лами, построенными из заранее известных, заданных символов, смысл которых четко оговорен. Например, символ N (nomen, имя) приобретает значение не имени существительного, а любого именного названия предметного участника пропозиции, в частности, под ним подразумеваются также лично-предметные местоимения, субстантивированные числительные или прилагательные. Символ V (verbum, глагол) выражает любое глагольное сказуемое.

Среди тюркологов особый интерес вызывают образования, которые долгое время не объединяли в единую категорию, а именовали сложновербальными конструкциями, формами глагольного вида, перифрастическими или аналитическими конструкциями. В соответствии с функционально-семантическим подходом к языковым фактам, многие из сложновербальных конструкций благодаря общности своих значений могут быть объединены в одну категорию — категорию аспектуальности. Как представляется, эта категория в том или ином объеме представлена практически во всех тюркских языках.

Категория аспектуальности — это совокупность таких перифрастических и аналитических глагольных форм, которые имеют видовые (аспектные) и акционсартовые значения [9. С. 305–444, 547–570; 1. С. 3–11].

Акционсартовые значения («способы действия», «характер протекания действия») — это такие языковые значения, в которых отражены какие-либо объективно присущие действиям качественные или количественные характеристики (быстрота протекания, внезапность, протяженность, кратность, прерывистость и т. п.) [2. С. 132].

Под видами (аспектами), точнее видовыми значениями, принято понимать различные наличествующие в языке, в известном смысле субъективные «способы представления протекания действия» [9. С. 549].

В большинстве тюркских языков значения вида и акционсарта закреплены за различными сложновербальными конструкциями, две основные разновидности которых именуют перифрастическими и аналитическими формами.

Перифрастическими принято называть такие глагольные образования, которые состоят обычно из двух компонентов — основы временной формы и вспомогательного глагола *bol-/ol-* (стать, быть) в любой спрягаемой форме. Однако анализ фактического материала памятников рунического письма дает основания говорить о том, что перифрастические фор-

мы в этом языке еще не употреблялись, вследствие чего категория аспектуальности состояла только из аналитических форм [4. С. 151]. А.Н. Кононов пришел к выводу, что само употребление перифрастических конструкций для этого времени было просто не характерно [7. С. 198].

Под аналитическими формами тюркологическая традиция понимает сложновербальные формы, которые имеют, чаще всего, структуру «деепричастие смыслового глагола + глагол модификатор, который является носителем служебного акционсартового значения» [8. С. 369].

В языке ДТРП употреблялось восемь аналитических форм:

-(j)Y,-(j)A ber-; -(Y)p bar-; -(j)Y,-(j)A olur-;-(j)Y,-(j)A ält-; -(j)Y,-(j)A jory-; -(j)Y,-(j)A yd/y-; -(j) A käl- и -(j)Y kal- . [4. С. 150].

Источниками для исследования были шесть рунических памятников: 1) памятник в честь Кюль-Тегина, 2) памятник честь Тоньюкука, 3) Ырк Битик (Гадательная книга), 4) памятник Могилян-хану, 5) Онгинский памятник, 6) памятник честь Моюн-чура. В ходе анализа в текстах было обнаружено 55 употреблений аналитических конструкций. В памятнике в честь Кюль-Тегина аналитические конструкции были употреблены 15 раз, в памятнике в честь Тоньюкука — 10 раз, в памятнике Ырк Битик — 7 раз, в Онгинском памятнике — 4 раза, в памятнике в честь Могилян-хана — 10, а в памятнике в честь Моюн-Чура — 9 раз.

Но вследствие того, что не каждая аналитическая конструкция составляет компонент предикативного модели, т. е. синтаксический предикат, в сферу нашей работы попали только некоторые из речевых употреблений. В текстах встречаются такие высказывания, в которых отсутствует синтаксический субъект (подлежащее), а есть только синтаксический предикат. Данные высказывания также построены по предикативной модели, схема которой выглядит следующим образом:

N + V аналитическая конструкция

Речевыми (конкретными) реализациями указанной предикативной модели языка ДТРП являются следующие варианты:

N+V-u bär-

Форма -a, -u bär- выражает действие, осуществляемое в пользу, в интересах другого лица. [7. С. 198; 4. С. 151].

Qayanım, bän özüm bilgä Toñuquq ötüntük ötünçümm äsidü bärți (Т 15)
(Мой каган ... соизволил выслушать мою просьбу).

N+Va, -u, -p bar-

Аналитическая форма -а, -у, -р bar- имеет два значения: 1) полная завершенность действия; 2) длительное, продолжительное, «монотонно развертывающееся действие». [4. С. 153].

... türk budun atı joq bola **barmış** ärti. (O3) (Слава тюркского народа начала тогда клониться к упадку);

türk budun ...joqadu **barır** ärmis (Ktb10) (Тюркский народ ..., как передают, шел (тогда) к (своей) гибели).

... qañım qağan it jil onunč aj altı otuzqa uča **bardı** (M Xa 10) (...мой отец (Эльтериш) каган скончался («отлетел») в год собаки (734 г.), десятый месяц, двадцать шестого (числа)).

Uluğ irkin azqıña (az-qıja) ärin täzip **bardı** (Ktb 34) (Великий эркин бежал (с поля брани) с немногими воинами).

Это форма отмечена в узбекском, уйгурском, каракалпакском, киргизском, казахском, башкирском, татарском и др. языках [12. С. 74]. Форма с показателем **-p bar-** по своему семантическому содержанию аналогична аналитической форме **-(y)ıp git-** в огузских языках [3. С. 137].

N+V-ü olur-

В форме -ü olur- в качестве глагола-модификатора употребляется глагол olur- со значением «сидеть», «садиться».

Это форма, судя по имеющимся данным, добавляла к лексическому значению исходного глагола оттенок процессуальности, длительности совершения действия [4. С. 153].

Türk bilgä qağan, Türk sir bodunuy Oğuz bodunuy igidü **olurur** (T62) (Тюркский правящий каган всегда возвышает народ тюрков-сиров и огузский народ).

N+V -u qal-(kal-)

Tirigi küñ boltaçı ärti ölügi jurtda jolta jatu **qaltaçı** ärtigiz (Ktb 49). (Те (из вас), которые остались бы в живых, стали бы рабынями, а мертвые оставались бы лежать по кочевьям, на дорогах).

Исследуемая форма имеет последовательно реализуемое в текстах функциональное предназначение — сообщать о действии, которое имеет затянутой характер протекания [4. С. 157].

N+V -a ält-

По словам М.Э. Дубровиной, «значение самостоятельного глагола -ält — «нести, тащить», возможно, было как-то связано с действием, которое воспринимается как законченное, завершённое» [4. С. 154]:

jaraqlıy qantan kälip jaña ältidi? Sünüglig kantan kälipän sürä ältidi? (Ktb 23) (Откуда пришли вооруженные (люди) и рассеяли тебя? Откуда пришли копьяносцы и увлекли тебя?).

N+V-ü jory

Традиционно значением рассматриваемой аналитической конструкции называют указание на длительное, продолжительное или постепенно осуществляемое действие [6. С. 35; 4. С. 199].

По мнению А.Н. Кононова, глагол jögu- выступает уже как служебное средство, потерявшее свое лексическое значение и придающее основному действию дополнительную характеристику в виде его продолжительности [7. С. 199].

Anta kalmyşy jir saju kop turu ölü joryjur ärtiq (Ktm9) (Вы же, оставшиеся тогда (живыми), по всем странам скитались в совершенно жалком положении (букв. «то живя, то умирая»))

N+V-(j)A käl

Рассматриваемая аналитическая форма со значением «приходить» в сочетании с деепричастной формой глаголов движения выражает завершенность действия с оттенком внезапности:

Üç oğuz süsi basa kälti (M32) (Войско уч-огузов неожиданно напало [на нас]).

N+V-(j)A,-Y yd/y-

В рунических памятниках исследуемая форма с глаголом, имеющим самостоятельное значение «посылать», очень редко встречается. Значением этой формы, очевидно, является указание на то, что исходное действие воспринимается как полностью завершённое [4. С. 154]:

Türk budun illädük ilin içyinu idmäs kayanladuk kayanın jitürü idmäs (Ktb 7-8) (Тюркский народ утратил свой эль, имевший племенную организацию, он лишился своего каганствующего кагана).

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно констатировать, что все из имеющихся в морфологической подсистеме языка ДТРП аналитические формы могли выступать в высказывании в качестве синтаксического предиката. Также можно предположить, что

видовым вариантом предикативной конструкции, построенной по модели N+V, могла выступать конструкция N+V **аналитическая форма**. Многообразие же речевых реализаций данной модели, регистрируемое в древнетюркских рунических текстах, полностью укладывается в утверждение, что на базе ограниченного количества языковых единиц можно построить безграничное количество речевых высказываний.

Литература:

1. *Гузев В.Г.* О категории аспектуальности (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1988. № 1. С. 3–11.
2. *Гузев В.Г.* Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 27. 2006. С. 40–63.
3. *Гузев В.Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: ЛГУ, 1990.
4. *Дубровина М.Э.* Категория аспектуальности языка древнетюркских рунических памятников // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глаголы. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 141–158.
5. *Дубровина М.Э.* Морфология языка древнетюркских рунических надписей. Субстантивное словоизменение. Анализ общетюркских тенденций. Lambert Academic Publishing, 2010.
6. *Кондратьев В.Г.* Перифрастические и аналитические формы глагола в древнетюркском языке // Востоковедение 7. Филологические исследования. 1980. С. 32–40.
7. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л.: Наука, 1980.
8. *Насилов Д.М.* О способах выражения видовых значений алтайских языков // Проблема общности в алтайских языках. Л.: Наука, 1971. С. 366–376.
9. *Маслов Ю.С.* Избранные труды: аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А.Б. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плушнян. М., 2004.
10. *Мельников Г.П.* Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М., 2003.
11. *Павлов В.М.* К вопросу о предмете синтаксиса // Теоретические проблемы языкознания. Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 248–260.
12. *Юлдашев А.А.* Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

В.Н. Образцов

Особенности эпиграфики на османском длинноклинковом оружии XVI–XIX вв.

Аннотация: Сообщение представляет собой обзор основных характеристик надписей на клинках османских сабель и ятаганов XVI–XIX вв. Предлагается типологизация эпиграфического материала, приводятся некоторые наиболее распространённые формулы.

Ключевые слова: надпись, сабля, ятаган, клеймо.

V.N. Obratsov

Features of the Ottoman Long-bladed Edged Weapon Epigraphy of the XVI–XIX Centuries

Abstract: An overview of the main characteristics of the inscriptions on the blades of the Ottoman sabres and yataghans of the 16th–19th centuries. The report contains a typology of epigraphic material and the most common formulas.

Key words: inscription, sabre, yataghan, stamp.

Холодное оружие всегда являлось не только средством защиты и нападения, но и весьма значимым маркером социального положения его владельца. Внимание уделялось не только техническим параметрам, но и внешнему виду вооружения. У разных народов выработались свои особенности декорирования, однако общие принципы были едиными. Как правило, украшали детали оборонительного и огнестрельного оружия, ножны, рукояти и клинки предметов холодного оружия, при этом декор клинков в большинстве случаев был лаконичным и размещался в основном на пяте.

Важным элементом украшения предметов оружия были надписи, в странах исламского мира являвшиеся полноправным элементом декора, как в сочетании с различными орнаментами, так и будучи от них полностью независимыми. Техники исполнения надписей не отлича-

лись от тех приемов, которые использовались при декорировке предметов вооружения — резьба, насечка и пр.

В Османской Турции в XVI–XIX вв. надписи на клинковом оружии выполнялись почти всеми известными почерками: насхом, насталиком, куфи, сульсом. Специалист по османскому оружию Ю.А. Миллер, затронувший этот вопрос в своей кандидатской диссертации «Художественное производство холодного оружия в Турции в XVI–XVIII вв.», отмечал, что «крайне сложно проследить зависимость почерка от времени изготовления оружия» [7. С. 194], однако некоторые закономерности все же прослеживаются: «геометризованный куфи чаще встречается на оружии XVI–XVIII вв., а сульс — главным образом, на оружии конца XVIII – начала XIX вв.» [Там же].

Встречающиеся на предметах клинкового оружия надписи могут быть поделены на три типа: религиозные, стихотворные и информативные. От содержания надписи зависел выбор языка: фразы религиозного характера выполнялись на арабском, для «светских» надписей использовались персидский и османский.

Надписи религиозного содержания, как правило, включают в себя определенные коранические формулы. Наибольшее распространение имели следующие фразы:

1. $\text{بسم الله الرحمن الرحيم}$ — Во имя Бога милостивого и милосердного (ар.);
2. $\text{من الله وفتح قريب وبشر المؤمنين}$ — Помощь от Аллаха, победа близка, обрадуй же верующих (ар.);
3. $\text{لا فتى الا علي لا سيف الا ذو الفقار}$ — Нет героя, кроме Али, нет меча, кроме Зу-л-факар (ар.);

Также использовались краткие формулы, такие как:

- ماشاء الله — То, что угодно Богу (ар.),
 توكلت على الله — Я уповаю на Бога (ар.),

и воззвания:

- يا محمد — О, Мохаммед (ар.),
 يا ملك الملك — О, Царь Царей (ар.).

Описанные краткие формулы чаще всего располагались в картушах на пяте сабельного клинка. Однако нередко были случаи заполнения

значительной поверхности клинка развернутой цитатой из Корана [4. С. 52; 9. С. 236–237; 3. С. 155–157]. Также надписи религиозного характера могли быть выполнены на обухе клинка [3. С. 161–163].

Как уже говорилось выше, надписи светского содержания могли быть информационные (справочные) и стихотворные. Надписи справочного характера сообщают о времени и месте создания предмета, имена мастера-изготовителя и владельца предмета оружия. Большое значение для изучения предмета оружия имеют указания на дату и, что встречается крайне редко, место его производства.

Год изготовления вещи, как правило, указывался в строго определенной форме, когда цифры, обозначающие год (по хиджре) писались над словом *سنة* (год), например *سنة ١١٢٤* (год 1712/13), при этом начальная буква *س* обычно сильно вытягивалась в длину так, чтобы над ней поместились все цифры даты. Также следует отметить, что нередки случаи, когда начальная цифра даты – ١ (1) не прописывалась.

К сожалению, в османских надписях на оружии почти полностью отсутствуют упоминания о месте изготовления. Ю.А. Миллер пишет, что анализ османского оружейного собрания Государственного Эрмитажа позволил установить лишь две сабли с указанием на то, что они были изготовлены в Стамбуле [7. С. 195].

Имя мастера указывалось по формуле «работал такой-то» (например, *عمل مصطفى* — работал Мустафа), однако подобная фраза, за редчайшими исключениями, не может дать каких-либо сведений о конкретных исторических персоналиях.

Гораздо больше информации, по крайней мере, в части социального статуса, дают упоминания о владельцах предметов оружия, выполнявшиеся по форме «владелец такой-то» (например, *صاحب ابراهيم* — владелец Ибрагим). В этих случаях имена, как правило, сопровождалось военными и придворными титулами, такими как *اغا* (ага, командир янычар или начальник некоторых групп придворных слуг), *بك* (бей, военачальник или гражданский чиновник высокого ранга), *پاشا* (паша, губернатор или генерал) и пр. Наличие подобного титула подкреплялось богатством художественного оформления предмета оружия, который должен был подчеркнуть и продемонстрировать высокий социальный статус его владельца. Следует отметить, что в большинстве случаев имена владельцев встречаются на таком типе османского длиннокликового оружия, как ятаган, о котором необходимо сказать несколько слов.

Ятаган представляет собой оружие с однолезвийным клинком двойного изгиба, занимающего промежуточное положение между саблей и кинжалом: длина и ширина клинка (50–75 см и 2,5–3,5 см соответственно) приближаются к сабельным, а отсутствие защитных приспособлений для руки роднит ятаган с кинжалом. Вопрос о происхождении как термина «ятаган», так и собственно типа оружия является дискуссионным [11. С. 24], при этом часть исследователей полагает, что ятаган как тип клинкового оружия являлся в большей степени личным, нежели строевым, оружием янычара [5. С. 136; 10. С. 72; 9. С. 217]. Это предположение подкрепляется отсутствием упоминания ятагана как армейского оружия в таких важных источниках по истории османского оружия, как «Записки янычара» Константина из Островицы (2-я пол. XV в.) [1] и работа Л. де Марсилли «Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком» [2]. Кроме того, ятаганы характеризуются не только более богатой отделкой по сравнению со строевыми саблями, но и довольно большим разнообразием надписей, которые могут быть посвящены восхвалению владельца оружия, содержать угрозы врагам и пр. Следует отметить, что подавляющее большинство надписей на ятаганных клинках выполнено на османском языке. В качестве примера можно привести следующие изречения [7. С. 196; 5. С. 137]:

1. *ای کونل بر جان الحوی هو جانه منت اتمله عشرت دنیا احوی سلطانہ منت ایلمه* — Во имя Бога милостивого и милосердного (осм.);
2. *سینا عداعیه یارب نو عیاعنا قیل یثان صاحبهب دام مطعی ایله ضر بدن بوچاغ*
حمه دوشمان تودن علی خات — Доставь радость этому ножу, когда он рассечет грудь врага! Да будет вечно побеждающим его владелец Али-хан! (осм.);
3. *بز یچاق ضر بدنن حمه دوشمان تار عار* — От удара этого ножа враги будут разбиты! (осм.)

Однако наибольшей популярностью у владельцев ятаганов пользовались надписи, связанные с легендой о семи спящих отроках, спрятавшихся вместе с собакой в пещере, чтобы уберечь свою веру в единого Бога во время преследований. По воле Аллаха юноши проспали в пещере 309 лет. Этот сюжет описывается в 18-й суре Корана «Пещера». Имена отроков, равно как и имя собаки, в Коране не упоминаются, их в разных вариантах приводят арабские авторы. То написание имен, которое встречается на османских ятаганах 2-й пол. XVIII – 1-й четвер-

ти XIX вв., имеется лишь у одного автора — Замахшария (1074–1143): Ямлиха, Мекселина, Мислина, Мернуш, Дебренуш, Сазенуш, Кефештетайуш, Кытмыр [5. С. 138]. На османских ятаганах эти имена приобрели магическую функцию. Янычарский корпус был религиозным войском — его члены посвящались в таинства ритуалов «танцующих дервишей», поэтому появление у них предметов вооружения, имеющих сакральный характер, вполне объяснимо [6. С. 399].

Помимо собственно надписей на клинках как ятаганов, так и сабель в больших количествах встречаются выполненные специальным чеканом клейма с именем мастера. Однако использовать содержащуюся в них информацию для атрибуции предмета практически невозможно — практика клеймения холодного оружия в Османском государстве довольно сильно отличалась от европейской традиции, где клеймо зачастую является определяющим моментом в датировке и локализации предмета. Османские оружейные клейма отличаются однообразием и в большинстве случаев крайне неудачным техническим исполнением. Как правило, они имеют листовидную форму с именем внутри. По всей видимости, эти клейма принадлежат мастерам-клиночникам, так как имена в клейме, выполненные по форме «работал такой-то», не совпадают с именем мастера, выполненным в технике золотой насечки на клинке предмета. Этот факт свидетельствует о существовавшем в Османской Турции разделении труда среди ремесленников, при котором каждый мастер выполнял какую-либо одну часть работы по созданию предмета оружия.

Как мы видим, надписи на османском длинноклинковом оружии XVI–XIX вв. крайне разнообразны. Их изучение является не только важным аспектом оружейведения, способствующим более полной атрибуции памятника, но и позволяет использовать предмет оружия в качестве дополнительного лингвистического, филологического и этнографического источника.

Источники и литература:

1. Записки янычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введ., пер. и коммент. А.И. Рогова. М., 1978.
2. *Марсильи Л., де.* Военное состояние Оттоманской империи с ее приращением и упадком. СПб., 1737.
3. *Alexander D.G.* Islamic Arms and Armour in the Metropolitan museum of art. N.Y., 2015.

4. The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection / Ed. B. Mohammed. Skira. Milan; N.Y., 2008.

5. *Аствацатурян Э.Г.* Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея. СПб.: Атлант, 2002.

6. *Малозёмова Е.И.* Холодное оружие народов Ближнего Востока в коллекциях МАЭ // Образы и знаки в традициях Южной и Юго-Западной Азии. СПб., 2015. С. 358–537. (Сборник МАЭ. Т. 61).

7. *Миллер Ю.А.* Художественное оформление холодного оружия в Турции в XVI–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953.

8. *Образцов В.Н.* Оружие Востока в собрании Эрмитажа/Вс. Н. Образцов; Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015.

9. *Скравилецкий Е.Б., Ефимов Ю.Г., Образцов В.Н.* Восточное оружие в частных собраниях. СПб.: Русская коллекция, 2013.

10. Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа: Каталог выставки. СПб., 2010.

11. *Николле Д.* Янычары. М.: АСТ, 2004.

А.В. Образцов, А.С. Сулейманова

Об одном двустишии Орхана Вели

Аннотация: Данная статья посвящена реконструкции некоторых аспектов культурного контекста одного из последних стихотворений Орхана Вели. Авторы считают, что в своих последних стихах Вели вернулся к идеям «конкретного» стиха, где в сжатой форме концентрируется максимальная смысловая емкость.

Ключевые слова: Орхан Вели Канык, контекст, «Красавица» (Canan), «конкретная» поэзия.

A.V. Obratsov, A.S. Suleymanova

On One Verse (Couplet) by Orhan Veli

Abstract: The article aims at reconstructing some aspects of the cultural context in which one of the last verses by Orhan Veli was created. The suggestion made by the authors is that in his later period Veli returned to the ideas of “concrete” poetry, which is suited to convey maximum of concise meanings in a condensed form.

Key words: Orhan Veli Kanık, context, “Beauty” (Canan), “concrete” poetry.

Орхан Вели Канык (Orhan Veli Kanık) (13.04.1914 – 14.11.1950), турецкий поэт и переводчик. В 1941 г. вместе с друзьями по лицу, Октаем Рифатом (1914–1988) и Мелихом Джевдетом Андаем (1915–2002) создал литературную группу «Треножник» (Sacaayak), выпустившую коллективный поэтический сборник «Странное» (Garip, 1941). Сборник предварялся литературным манифестом, в котором поэты выступали против обращения к возвышенным темам, использования вычурных метафор, эпитетов и аллегорий. Поэты «Треножника» вошли в историю турецкой литературы под названием «Первое Новое» и оказали огромное влияние на дальнейшее развитие турецкой поэзии.

Данное сообщение посвящено реконструкции некоторых аспектов культурного контекста одного из последних стихотворений Орхана Вели. Известно, что поэт в конце жизни увлекался короткими, афористичными формами, такими как рубаи и хайку. Разумеется, речь не шла о копировании формы, но общая идея максимальной смысловой емкости в крайне

сжатой форме миниатюры, как представляется, Орхану Вели была близка. Напомним, что еще в манифесте, предварявшем сборник «Странное», речь шла о «конкретности» стиха, т. е. о четкости мысли, простоте языка, лаконичности формы и глубине подтекста. Считается, что поэты «Треножника» вскоре отошли от установок манифеста, но, как показывают некоторые из поздних стихов Вели, он вернулся к прежним идеям¹.

Уже после смерти поэта, 01.02.1951, на страницах «Нового журнала» (Yeni Dergi) было опубликовано двустишие, названное автором «Красавица» (Canan):

Canan ki 'degüstasyon'a gelmez
Balıkazarı'na hiç gelmez
*Красавица, та, что не заходит в Дегустасьён,
Вообще не заходит на Балыкпазары*

Хотя имеется автограф поэта, подтверждающий аутентичность текста, сразу появилось несколько вариантов двустишия, со ссылками на друзей Орхана Вели. Нахит Ханым Фыратлы (1909–2002) — близкая подруга поэта — приводит такой:

Cânân ki gündüzleri gelmez
Gece yarısından sonra hiç gelmez
*Красавица, та, что не приходит днем,
За полночь никогда не приходит*

Асым Безирджи (1927–1993) — друг Орхана Вели, литературовед и писатель, неутомимый собиратель и издатель стихов поэта — уточняет, что вторая строка звучит так:

Akşamları hiç gelmez
По вечерам никогда не приходит

Встречается и такой вариант второй строки:

Fakirhaneye hiç gelmez
Вообще не заходит в дом [этого] бедняги

Очевидно, что данное двустишие является несколько пародийным перифразом последних строк из стихотворения «Бассейн» (Havuz) Ахмеда Хашима (1884–1933) — крупнейшего турецкого символиста.

¹ Это очевидно из раздела «Стихи в новой манере, не издававшиеся при жизни» (Sağlığında yayımlamadığı yeni biçimli şiirleri) собрания произведений Орхана Вели [6. S. 199–212].

Akşam yine toplandı derinde...
 Cânân gülüyor eski yerinde
 Cânân ki gündüzleri gelmez
 Akşam görünür havz üzerinde²
*В глубинах вновь сгустились сумерки,
 Красавица улыбается на прежнем месте.
 Красавица, та, что не приходит днем,
 Вечером является в глади бассейна.*

Если Хашим погружает читателей в грезы о эфемерной, призрачной, неосязаемой красавице, то Вели максимально «приземляет» образ, перенося действие в Бейоглу, в район Цветочного пассажа (Çiçek Pasajı) и Рыбного рынка (Balıkrazağı), где в те годы (да и сейчас), были сосредоточены бары, рестораны и мейхане³.

Возможно, эти апокрифы были ранними вариантами двустушия, поскольку в них снижены конкретность и автобиографические мотивы, столь явственные в стихах Орхана Вели.

Канонический вариант четко локализован, названо одно из реальных питейных заведений — «Дегустасьён» (Degüstasyon)⁴, которое в 40–60-е годы XX в. было одним из излюбленных мест встреч литературной и артистической богемы. Достаточно назвать такие имена как Махмуд Есари, Джахит Сыткы Кунт, Ахмет Хамди Танпынар, Назым Хикмет, Кемаль Тахир, Орхан Кемаль, Яхья Кемаль Беятлы, Пеями Сафа, Неджип Фазыл Кысакюрек, Джемаль Сюрейя, Саит Фаик, Тарык Бугра и др.

² Но вечером, едва замрет закат,
 Луною озарится твой наряд.
 Ты снова ждешь под облачной накидкой,
 И звезды, как цветы, в руках горят.
 (пер. А. Суздальцева) [1. С. 34]

³ Традиционные турецкие питейные заведения.

⁴ Открылся в 1923 г. при входе в Цветочный пассаж со стороны Таксима. Через боковую дверь заведения можно было пройти прямо в пассаж. Первый владелец — итальянский офицер Моранди (Maurandi). В 1928 г. заведение перекупил другой итальянец Эдмондо Мориги (Morigi). Появилось название «Дегустасьён». Первоначально это был обычный итальянский рестораник, известный своими пастами и ravioli. В 1930-е гг. появились уличные столики, которые выставляли к стене пассажа. В 1940 г. умер Эдмондо, место занял его брат Донато и зять Йорго Карнери. Расплачивались клиенты жетонами, которые получали в обмен на деньги в кассе. Заведение пострадало во время греческих погромов 6 сентября 1955 г. В 1970-е гг. стало терять популярность. После обрушения пассажа 10 мая 1970 г. заведение было закрыто и перенеслось на Рыбный рынок, но уже с иными интерьерами и атмосферой [3].

Ироничная отсылка к творчеству А. Хашима усиливается еще и тем, что в «Дегустасьён» с гордостью показывали место, где любил сидеть сам Хашим.

Считается, что именно в «Дегустасьён» произошла трагическая, для турецкой литературы, ссора между Назымом Хикметом и Пеями Сафа [3. С. 332]. Именно этому посвящены известные строки Хикмета:

Sen de yükseldin uyur
Onun sesine
“La dam o kamelya”nın fesli
Figüranlığından
Ahmet Haşim’in “Degüstasyon”daki
İskemlesine...
Bir düşün oğlum!
*А ты возвысился,
Вняв чьему-то совету,
От статиста в феске из «Дамы с камелиями»
До табурина Ахмеда Хашима в «Дегустасьён»⁵ ...
Подумай, сынок!*

Другим местом, упомянутым Вели в своем двустушии, является Рыбный рынок. По воспоминаниям брата Орхана Вели – Аднана, поэт часто заходил в «Ламбо»⁶ на Рыбном рынке, тем более, что хозяин заведения — месье Ламбо — был его близким другом [5]. В отличие от фешенебельного «Дегустасьён», «Ламбо» был значительно дешевле и демократичней. В 40–50-е гг. XX в. это мейхане было очень популярно. Его называли «Академией пересемешников» (Alaylılar Akademisi), «Лабораторией богемы» (Bohem laboratuvarı) и т. д. Здесь часто бывали:

⁵ Это отрывок из стихотворения 1935 г. «Сатирический эксперимент над одним провокаторм» (Bir provakatör üstüne hiciv denemeleri) [7. S. 270–274]. В имеющемся русском переводе В. Луговского «Сатирические строки об одном провокаторе» [2. С. 165–167] эти строки опущены.

⁶ «Ламбо» — крохотное мейхане на ул. Невизаде. Могло вместить 10–15 человек и то стоя. Лишь у окна было два сидячих места. Там и встречались Орхан Вели и его возлюбленная Нахит Фыратлы. Ильхан Берк писал, что мейхане месье Ламбо, должно быть, самая маленькая рюмочная в мире — величиной с трамвай. Лейла Эрбиль отводит этому заведению много места в своем романе «Странная женщина» (Tuhaf Bir Kadın, 1971). У Ламбо была специальная тетрадка, где постоянные клиенты могли вместо платы написать стих или оставить автограф. Под предлогом того, что Ламбо является коммунистом, заведение закрыли, а на его месте Ламбо открыл обувную лавку, но вскоре покончил с собой [4]. Заведение с прежним названием работает на прежнем месте.

Орхан Вели, Саит Фаик, Орхан Кемаль, Эдип Джансевер, Фазыл Хюсюн Дагларджа, Пеями Сафа, Октай Рифат, Мелих Джевдет Андай и др. Свободно заходили и женщины-литераторы: Лейла Эрбиль, Лейла Умар, Гюнер Кубан, Мина Урган. Саит Фаик, говорил, что «Ламбо» — единственное место, где он не чувствовал сомнений в существовании мира.

Конечно, любое художественное произведение несет в себе частицу того груза проблем, которые преследуют его автора. Именно через их призму на художественный образ проецируются явления действительности. Задача герменевтики текста, применяя, со времен постструктурализма, любые методы, дать адекватное истолкование образа или задать определенный ракурс его рассмотрения. Здесь принципиально важно учитывать не только, а может и не столько, собственно поэтику, но и широкий спектр контекстуальных и интертекстуальных связей, как самого произведения, так и всего творчества данного автора. Иными словами, всё есть текст, но сам текст не существует вне контекста.

Примечательно, что со временем художественные тексты начинают расширять контекстуальные связи и порождать новые смысловые оттенки. В случае данного двустишия, примечательна история уже XXI в. В 2000 г. Сахаф Шереф Озансой в Бейоглу, на ул. Имам Аднан открыл «Дом поэзии Орхана Вели» (Orhan Veli Şiir Evi) рядом с ул. Тарлабаши, идущей почти параллельно пр. Истикляль. Это был и музей, и кафе, и библиотека, и коллекция рукописей, автографов Орхана Вели. Однако через 15 лет «Дом поэзии» был закрыт из-за возросшей арендной платы. Вот так и обрела новый смысл апокрифическая строка о красавице, которая *«Вообще не заходит в дом [этого] бедняги»*.

Литература:

1. Из турецкой поэзии XX века: Пер. с тур. М.: Художественная литература, 1979.
2. *Назым Хикмет*. Избранное. М.: Иностранная литература, 1951.
3. *Erdem A. Degüstasyon // İstanbul Ansiklopedisi. İst.: Doğuş Yay., 2010. S. 332.*
4. *Gülcan E. Ünlü Edebiyatçıların Uğrak Yeri 14 Edebilemiş Mekân // <http://listelist.com/edebiyatcilarin-ugrak-yeri-mekanlar/>*
5. *Kanık Adnan Veli. Orhan Veli İçin. İst.: Yeditepe Yay., 1953.*
6. *Kanık Orhan Veli. Bütün Şiirleri. İst.: Adam Yay., 1997. S.199*
7. *Hikmet Nazım. Bütün eserleri. C. 1. Şiirler 1916–1951. Sofya: Narodna Prosveta, 1968.*

А.И. Пылев

К вопросу о суфизме в лирической поэзии Захир ад-дина Мухаммада Бабура (1483–1530)

Аннотация: Настоящая статья посвящена некоторым особенностям лирической поэзии Захир ад-дина Мухаммада Бабура (1483–1530) — выдающегося государственного деятеля, ученого и талантливого литератора Среднего Востока, писавшего в основном на чагатайском (староузбекском) языке. Общеизвестно, что стихи Бабура в основном были светскими, однако и в них можно обнаружить мотивы, образы и особые термины, свойственные учению мусульманского мистицизма (суфизма) и суфийской поэзии, оказывавшим влияние на чагатайскую поэзию с самого начала ее становления. Это такие элементы, как образ возлюбленного Друга (Истинного Бога для суфиев) и разлука с Ним; чернота волос и чистота сердца (лика); открытость глаз и закрытость сердца; отрешение от мира ради любви к Другу; «пустыня небытия»; вино и виночерпий и др. Исследование суфийских элементов в поэзии Бабура поможет в изучении как его мировоззрения, так и художественного сознания мусульманского Среднего Востока эпохи Бабура.

Ключевые слова: чагатайская (староузбекская) поэзия, лирическая поэзия, исламский мистицизм, суфизм, суфийские элементы в тюркской поэзии.

Aleksei I. Pylev

Concerning the Sufi motives in the lyric poetry of Zahīr-ud-dīn Muḥammad Babur (1483–1530)

Abstract: This article explores certain features of the lyric poetry of Zahīr-ud-Dīn Muḥammad Babur (1483–1530) who was the prominent statesman, scholar and the talented author of the Middle East. Babur composed his works mainly in Chagatai (“Old Uzbek”) language and his poems are generally of the secular nature. However one can discover in these poems certain motives, images and special terms belonged to the Muslim mysticism (Sufism) and to the Sufi poetry which have influenced the Chagatai poetry since its origin. The elements in question are: the figure of the Beloved Friend (the True God in Sufism) and the parting

with Him; the blackness of hair and the purity of heart (face); the openness of the eyes and the closeness of one's heart; the withdrawing from the world for the sake of love to the Friend; the desert of nonexistence; the wine and the cup-bearer, etc. The analysis of Sufi elements in Babur's poetry may help to study his personal worldview and the aesthetic conscience of the Middle East Muslims of this period.

Key words: Chagatai ("Old Uzbek") poetry; the lyric poetry; Islamic mysticism; Sufism; Sufi elements in the Turkic poetry.

Литературное творчество Захир ад-дина Мухаммада Бабура (1483–1530), выдающегося государственного деятеля, ученого, талантливого поэта и мемуариста, постоянно привлекает внимание исследователей истории и литературы Среднего Востока эпохи мусульманского Возрождения, а также широкие круги любителей восточной культуры. Наряду с известным произведением мемуарного характера «Бабур-наме», ценнейшим источником сведений по истории, географии, этнографии, языкам и духовной культуре народов Средней Азии, Афганистана и Индии, перу Бабура принадлежит «Диван» стихов разных поэтических форм, написанных преимущественно на чагатайском (староузбекском) языке. Он сохранился во многих рукописях, самые известные из них — Парижская и Рампурская (так называемый «Индийский диван Бабура»). Предметом рассмотрения в данной статье являются газели Парижского сборника и руба'и, вошедшие в Рампурский сборник.

Общеизвестно, что поэзия Бабура носила в основном светский характер и была обращена к самому автору, его ближайшим родственникам и узкому кругу придворных и друзей-единомышленников. Бабур принадлежал к высшей аристократии, был независимым правителем, и в своем творчестве не нуждался в нарочитом усложнении языка, цветистых выражениях и изощренной образности. Его стихи отличают, напротив, простой тюркский язык, часто приближенный к разговорному, лаконичная форма и, вместе с тем, большая насыщенность бейта или четверостишия художественными образами. Бабур творил в классической манере, был в известной степени последователем 'Алишира Нава'и (1441–1501) и его предшественников. Потому неудивительно, что в его светских, по преимуществу, стихах можно обнаружить мотивы религиозно-мистического (суфийского) происхождения.

Мусульманский мистицизм (суфизм) и его поэзия, содержащая проповедь достижения абсолютного знания через Божественную любовь и слияния с идеальным «другом» или «возлюбленным» (Истинным

Богом), оказывали влияние на тюркскую мусульманскую поэзию с самого начала ее становления, т. е. примерно с середины XI в. Это было влияние как идейное (отражение в поэзии суфийских представлений, употребление особой терминологии), так и собственно художественное (заимствование системы образов, выработанной поэтами-мистиками). Разумеется, этого влияния не мог миновать в своем поэтическом творчестве и Бабур. Влияние суфизма приводило к тому, что, как указывал проф. С.Н. Иванов, многие образы газелей чагатайских (староузбекских) поэтов, в том числе и Бабура, «содержат как бы двойкий смысл — «земной» и суфийский, причем последний — безотносительно к тому, имел или не имел его в виду автор» [1. С. 21].

Какие же мотивы, образы и особые термины, заимствованные у суфизма, можно встретить в поэзии Бабура? Этот вопрос имеет большое значение для изучения мировоззрения автора, его эстетических представлений и раскрытия силы воздействия его стихов на читателя. Прежде всего, следует назвать образ Друга, Возлюбленного (ар. حبيب ; перс. یار), за которым может скрываться Истинный Бог, взыскуемый суфиями. В газелях Бабура часто встречается мотив разлуки с Другом и стремления преодолеть эту разлуку:

غربت و هجرانغه قالديم آه اول جان ايلكيدين
جانغه يتيم ايمدی غربت بيرله هجران ايلكيدين
[3. ۱]

*Я остался в изгнании и разлуке, ах! из-за руки (власти) той Души (Друга).
Теперь я достиг души (Друга) из-за руки (власти) изгнания и разлуки.*

وصلینی نی قیلايين غيردين آیريلمادی هيچ
يار وصلی منکا اغياردين آیريلسه کير اڭ
[3. ۱]

Что мне делать, чтобы соединиться с Ним? Он (ведь) никогда не разлучался с другими.

Соединение с другом нужно мне и нужно, чтобы Он разлучился с (моими) соперниками.

(Вариант: (ведь) должно быть, Он разлучился с (моими) соперниками).

В отдельных газелях Бабура встречается особый образ суфийского происхождения — «пустыня небытия» (عدم صحراسی), куда отправля-

ется отвергнутый Другом влюбленный. Но герой отправляется в нее не только лишь от отчаяния: в «пустыне небытия» он сможет обрести состояние «фана'» (ар. *فناء* букв. «гибель, исчезновение», у суфиев — «потеря (собственного) бытия»). Перейдя в это состояние, достигаемое на девятой, предпоследней стадии пути совершенствования (*ат-таваккуль* — отречение от своей воли), мистик получает способность вновь воссоединиться с Другом (Истинным Богом) [2. С. 350]. Суфийский смысл некоторых бейтов подобных газелей совершенно очевиден любому «суфийски настроенному» читателю или слушателю:

سنيك عشيقك دا اي نامهربان بيخان و مان بولدوم
 دييمان بيخان و مان آواره ايكي جهان بولدوم
 ليبيك كر بيرماسه بوسى نيجوك جان ايلتا ألغاي مين
 بو يولدا كيم عدم صحراسى غه ايمدى روان بولدوم
 [3. ٤-٥]

*Будучи охваченным любовью к Тебе, о нелюбезный, я бездомным стал;
 Не скажу — бездомным, бродягой обоих миров я стал.*

*Если губы твои не дадут поцелуя, как смогу я остаться живым
 (букв. доставить, пронести душу)*

На этом пути, по которому я теперь направился в пустыню небытия!⁷

В газелях Бабура встречаются и другие образы и мотивы, имеющие суфийское происхождение: чернота волос и скрытые в ней разбитые сердца [3. ٢-٣]; вино и виночерпий [3. ٣]; пренебрежение внешними атрибутами мусульманского культа [Там же]; отрешение от мира и мирских благ [3. ٤]; параллелизм образов «глаза (выход во внешний мир) и сердце (средоточие духовной сущности человека)» [3. ٥, ٧-٨]; локоны и лицо (Божественный лик), которое они скрывают [3. ٦-٧].

В некоторых руба'и Рампурского сборника встречается суфийский термин *ат-тауба* (ар. *التوبة*, «покаяние в грехах»), обозначающий первую ступень совершенствования суфия, согласно учению Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1058–1111) [2. С. 350]. Суфий, вступающий на путь совершенствования ради духовного воссоединения с Другом, должен, прежде всего, отказаться от всего запретного и покаяться во всех совершенных грехах, что является нелегким шагом:

⁷ При переводе этих бейтов использован вариант А.Н. Самойловича [4. С. 719].

تا ترك مناهى و شراب ایتمیش مین
نفسیم غه خدای اوجون عذاب ایتمیش مین
توبه ایشیکی هنوز اجوق ایردی
بو توبه دا بیر نیمه شتاب ایتمیش مین
[3. ۸۳]

*С той поры как я оставил запретное и вино,
Я — ради Бога — причинил себе страдания.
Дверь покаяния была еще открыта,
В этом покаянии я немного поторопился.*
[4. С. 775]

Представленный краткий обзор некоторых особенностей лирики Бабура позволяет сделать вывод, что его поэзии, светской по преимуществу, были вовсе не чужды суфийская образность и мистические мотивы. Остается открытым вопрос о том, насколько автор вкладывал суфийский смысл в свои стихотворения и в отдельные образы, делал ли он это сознательно или лишь строго следовал традиции, сложившейся в тюркской поэзии за несколько веков до него. Дальнейшие исследования в данном направлении позволят выяснить некоторые важные черты мировоззрения самого Захир ад-дина Мухаммада Бабура, а также помогут определить место суфийских элементов в общественном и художественном сознании его времени.

Литература:

1. *Иванов С.Н.* Пять веков узбекской газели // В красе нетленной предстаёт. Узбекская классическая лирика XV–XX веков / пер. со староузбекск. и узбекск. и сост. С.Н. Иванов. М.: Наука, 1977. С. 5–39.
2. *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках: Курс лекций. 2-е изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
3. *Самойлович А.Н.* Собрание стихотворений Императора Бабура. Ч. I. Пг., 1917.
4. Собрание стихотворений Императора Бабура. Ч. II. Переводы // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / сост. и отв. ред. Г.Ф. Благова, Д.М. Насилов. М.: Восточная литература, 2005. С. 697–779.

М.М. Репенкова

**«Страна шаманов» (2012) Барыша Мюстеджаплыоглу
как речезанровый образец романа-фэнтези**

Аннотация: В докладе на примере романа-фэнтези Б. Мюстеджаплыоглу «Страна шаманов» (2012) анализируются жанрообразующие лексические единицы, используемые писателем для изображения необычных, нереальных, сверхъестественных явлений (волшебный, волшебство, волшебник, шаман, шаманский и др.). Доказывается, что речезанровые средства образуют в произведении две парадигмы, которые соотносятся между собой как Добро–Зло и находятся в состоянии непримиримой борьбы. Показывается, что к ключевым лексемам присоединяются слова с нейтральными значениями (огромный, страшный), которые в контексте романа дополняют ту или иную парадигму и служат законам жанра.

Ключевые слова: роман-фэнтези, Барыш Мюстеджаплыоглу, поэтика фантастического, жанрообразующие лексические единицы.

Maria M. Repenkova

**Barysh Mustedjaplyoglu's "The Country of Shamans" (2012)
as a language-and-genre model of the novel-fantasy**

Abstract: B. Mustedjanplyoglu's the novel-fantasy "The Country of Shamans" (2012) taken as an example in the article to analyze genre-forming lexical units used by the writer to expose unusual, unreal, over-natural phenomena (enchanted, magic, magitian, shaman, shamanism and others. The article proves that the language (style of speaking) and genre means create two paradigms in the novel which are in correlation with each other like Good and Evil and are in the state of uncompromising struggle. It is also shown that the words, characterized by neutral meanings (giant, fearful, and others) are connected with the key lexemes which, in the novel context, supplement one or another paradigm and are in compliance with the genre laws.

Key words: novel-fantasy, Barysh Mustedjaplyoglu, poetics of fantastic, genre-forming lexical units.

Барыш Мюстеджаплыоглу (род. в 1977 г.) стоит у истоков нового жанра турецкой массовой литературы — романа-фэнтези, возникшего в начале 2000-х гг. (Дж. Озджан, К. Алкан, Ф.О. Шеран, Эрб. Кайа, О. Изгеч и др.). Обращенность к необыкновенному, сверхъестественному, с одной стороны, роднит этот жанр с научной фантастикой и волшебной сказкой, а с другой — формирует оригинальную художественную парадигму, особенности которой пока остаются малоизученными.

В турецкой литературе наибольшее распространение получила героическая разновидность фэнтези, которая характеризуется авантюрно-приключенческим сюжетом. Действие, как правило, разворачивается в вымышленном, волшебном мире со средневеково-мистическим антуражем: со своей мифологией, историей, географией. Герои таких романов, относящиеся к выдуманным расам и народам, в поисках внешней и внутренней гармонии отправляются в путь, который часто воплощается в виде путешествия, полного опасных приключений. Однако какой бы отдаленной ни была описываемая в фэнтези эпоха, героико-приключенческое повествование ориентировано на ключевые проблемы современности: определение границ между Тьмой и Светом, Добром и Злом, а также возможностью их уравнивания. Российские исследователи массовой литературы Н.А. Купина, М.А. Литовская и Н.А. Николина считают, что «основной пафос этого жанра заключен в идее сохранения в современном обществе вечных ценностей человеческого существования, причем важнейшими оказываются не польза и успех, а сострадание и человечность» [1. С. 224].

Второй вид фэнтези — городская сказка-мистери, где действие происходит в современном повседневном мире, куда проникают потусторонние, сверхъестественные элементы, в том числе и заимствованные из фольклора, существует в турецкой литературе только в постмодернистском варианте (романистика Назлы Эрай) [2. С. 166–187], в котором акцент делается на трагедийное обыгрывание сложившихся в жанре клише.

В романе Б. Мюстеджапоглу «Страна шаманов» (*Şamanlar Diyarı*, 2012) в функции жанрообразующих выступают ключевые слова, объединенные общим смыслом: «необыкновенный, нереальный, необычный, неожиданный по силе своего воздействия» — волшебство, колдовство (*büyü, efsun*), волшебный (*büyüleyici, efsunlu*); сказочный, мифический (*efsanevi*); маг, волшебник, колдун (*büyücü, efsuncu, sihirbaz*); быть за-

колдованным, заколдовываться (büyülenmek, efsunlaşmak, afsunlaşmak); колдовать (sihir yapmak); шаман, шаманский (şaman); огромный, гигантский, чудовищный (dev); странный (tuhaf, garip); страшный, ужасный (dehşetli, korkunç). Ключевые речевые единицы образуют две внутритекстовые парадигмы, усиливающие впечатление невероятности происходящих событий и раскрывающие разные грани фантастического.

Первая парадигма связана со словами «волшебство», «волшебник», «волшебный», «колдовать/заколдовывать», которые в разных словосочетаниях призваны продемонстрировать, как необыкновенное превращается в обыкновенное, как оно упорядочивается и узаконивается, ставится на службу деспотичному главе государства султану Артериусу. Он правит придуманной страной Делькарна, в которой когда-то, много веков назад разные вымышленные народы — делькары, насра, нарети, улака жили в мире и согласии. Они воевали против полуживотных, поллюдей харнанов. Люди безжалостно убивали харнанов. Оставшиеся в живых харнаны, чтобы избежать полного истребления, бежали из страны на корабле, воспользовавшись помощью самого старого шамана страны — Мелькары, и построили где-то далеко за морями свой собственный счастливый город Харнаник.

После победы над харнанами люди начали вести борьбу друг против друга. Кровопролитная многолетняя война привела к победе делькаров, которые установили господство на землях Делькарны, заставили другие народы забыть свои языки и культуры. Нарети и улака подчинились новым правителям, а часть насра продолжала отчаянно сопротивляться дельканским властям, создавая в лесах партизанские отряды-чете. Другая же часть насра, смирившись с поражением, согласилась на выселение в отдаленные районы страны, на запреты говорить на родном языке и служить в султанском дворце и в армии.

Основатель Делькарны султан Коледион первым начал использовать волшебство в корыстных интересах, для укрепления личной власти. Сначала он пытался привлечь к себе на службу местных шаманов, которые обладали сверхъестественной силой и могли вершить чудеса. Но шаманы вели себя независимо, не желая никому служить и подчиняться. Это разгневало Коледиона и он начал борьбу с непокорными шаманами. Позднее султан обратился к тем делькарам, которые научились волшебству от некогда живших в этих краях Бессмертных (Ölümsüzler) — представителей Древних Сил (Kadim Güçler). Создал школы, где начали пре-

подавать волшебство знающие люди. «Волшебству теперь можно было обучиться в школе точно также, как, например, пользованию мечом и шпагой. Техника обучения этому была поставлена на поток» [3. S. 173]. Благодаря школам волшебников (Efsun Okulları) появилось много людей, способных колдовать. Новоявленным волшебникам нравилось обладать сверхъестественной силой и распоряжаться этой силой. Они охотно шли на государственную службу. При дворе султана Артериуса даже было создано особое ведомство волшебников, которым руководил Совет волшебников (Efsun Konseyi) и Главный волшебник Двора (Efsunbaşı) Терикан. Ему пришлось устранить многих сильных конкурентов, претендовавших, как и он, на эту прибыльную должность.

Обязательными атрибутами служащих в ведомстве волшебников были мантии, придававшие их виду таинственную важность. Некоторые из служивых магов, например, самый молодой и одаренный маг Дериан, относились к внешним атрибутам профессии с юмором. Для Дериана, выделявшегося среди «коллег» честностью и благородством, главным был не внешний антураж, а преданность султану и профессиональное выполнение обязанностей.

В противоположность Дериану, другие волшебники, например, самый старый и хитрый маг Каруо, трепетно относились к волшебным атрибутам, отличавших их от остальных граждан страны. Они не только дефилировали в расшитых золотом мантиях, но и не отказывались от длинных бород, острых колпаков на головах и туфель с загнутыми вверх носами. При помощи Каруо автор романа обыгрывает привычный образ волшебника, формульно обозначая приметы внешности, которыми должен быть наделен настоящий волшебник.

Каруо патологически жесток. Не раздумывая ни минуты, он безжалостно сжигает заживо волшебным огнем лодку с безоружными стариками и детьми насра, убегающими от султанских гвардейцев. Именно он придумывает волшебное заклинание, позволяющее находить среди населения Делькары переодетых в делькаров представителей народа насра. Насра, отличающиеся от делькаров белыми зрачками, которые они окрашивают в черный цвет с помощью волшебных заговоров, проводятся Каруо через заклинание, которое возвращает их глазам белизну и позволяет «вылавливать заговорщиков» даже среди придворных султана. В романе перед читателем возникает зримый образ злого волшебника, произносящего заклинание на тайном языке и совершающего магиче-

ский ритуал ради зла и несправедливости: «Каруо встал прямо напротив молодого человека, <...> приложил указательные пальцы к вискам Дериана, а большие пальцы — к его закрытым глазам: “Naretsi ko re de manseret... Narkore zi la derakse...”» [3. S. 28].

Правдоподобие неправдоподобного воспроизводится с помощью приема «технологизации» и «обытивизации» магического. Волшебство (в основном это волшебные предметы и заклинания) превращается в карательные орудия. С помощью волшебства в Делькарне наказывают непокорных: расправляются с повстанцами насра и непокорными шаманами. Особенно преуспевают в этом главы «силовые ведомств» султанской власти — Глава Тайной службы Зинджир (Gizli Servisi olan Zincir örgütü başı) рыжеволосая красавица, «проклятая женщина», «не женщина, а дьявол» Олейн, а также злобный и безжалостный Главнокомандующий вооруженными силами страны (Ordular Başkomutanı) генерал Гадек. Например, Олейн носит на пальце кольцо с волшебным черным камнем Narodes (siyah Narodes taşlı yüzük), которое позволяет ей мысленно общаться со своими агентами на любом расстоянии. Для борьбы с шаманами Олейн применяет блестящий амулет (parıldayan muska), который препятствует использованию шаманской силы. Находясь рядом с амулетом, шаман не может войти в транс и превратиться в зверя, птицу или насекомое, чтобы защитить себя или того, кто нуждается в защите. А генерал Гадек «внедряет» в армейское производство волшебные пушки, сжигающие огнем ядер все живое вокруг себя. Стреляющему из такой пушки солдату, чтобы не погибнуть самому, необходимо надевать волшебные железные перчатки (büyücülerin demir eldivenleri). Волшебные предметы и заклинания — опорные элементы поэтики фантастического, выступают в романе в качестве речезанровых ключевых слов.

К первой парадигме частично примыкает слово «странный» (garip, tuhaf). По сути своей это прилагательное нейтрально, но частое использование его в фантастической парадигме приводит к тому, что оно теряет свое нейтральное значение и обретает сверхъестественные коннотации: странный народ насра, их странные белые глаза без зрачков, странное упорство мятежных насра в борьбе с султаном, странные силы шаманов, странное какое-то место, в которое не могут пробраться агенты тайной службы и т.п. Нереально странным становится все то, что султан Артериус не может себе подчинить, а именно упорство малочисленного народа, нежелающего мириться с несправедливостью властей.

Вторая парадигма связана со словами «шаман, шаманский»: шаманский танец (şaman dansı), шаманский барабан (şaman davulu), шаманский ритуал (şaman ayını), быть в экстазе, войти в транс (kendinden geçmek), покинуть тело (bedenden çıkmak), превращаться (dönüşmek) и т. п. В этой парадигме фантастическое, нереальное одухотворяется, возвышается до божественно-неземного, что, в свою очередь, коррелирует с общечеловеческими законами Добра и Зла, Тьмы и Света. Шаманов в романе представляют несколько героев: отец всех шаманов Мелькара (Ata Şaman Melkara); молодой шаман Дарок, укравший из дворца султана ценный пергамент; его родная сестра Кайе, на какое-то время бросившая шаманство и работавшая наемным мечом/убийцей у богатых землевладельцев делькаров, а затем вновь вернувшаяся к делу предков; недавно узнавшая о своих шаманских способностях девушка Эймар. Они всегда на стороне униженных и оскорбленных, всегда выступают за правду и справедливость. Чтобы стать настоящим шаманом, нужно пройти длительное обучение у старейшего шамана, т.е. пройти своего рода процесс инициации. Национальности шаманов в романе остаются не проясненными. Отдельные штрихи к их портретам и историям жизни позволяют соотносить некоторых из них с народом насра. Неопределенность национальной принадлежности шаманов подчеркивает их связь с общечеловеческими ценностями.

Шаманы могут связываться с Древними силами посредством погружения в транс и превращения в разных фантастических зверей, птиц, насекомых. Они, как и волшебники используют магические ритуалы, заклинания, волшебные предметы. Обычно шаманы совершают превращения во имя спасения других людей. Так, Кайе, защищая маленькую девочку Айрон в лесу от бандитов, превращается в огромного медведя: «Тело Кайе внезапно лопнуло/разорвалось на части. Миллионы ее частичек разлетелись приблизительно на расстояние метра, потом в ту же самую секунду выросли в своих размерах в несколько раз и снова соединились вместе, образовав гигантского медведя Назкора, <...> одна лапа которого могла перевернуть лошадь» [3. S. 112–113]. Показательно, что и возвращение девушки в собственное тело тоже связано с волшебным превращением: «Тело медведя Назкора лопнуло. На этот раз частицы далеко не рассеялись, наоборот, их размеры быстро уменьшились в воздухе, как у сдувшегося воздушного шара. И, наконец, обрели четкие очертания женщины» [3. S. 113].

Шаманы в романе превращаются в медведей, орлов, морских и лесных чудовищ, которые отличаются гигантскими размерами и воспринимаются окружающими как ужасные/страшные создания (*dev, dehşetli yaratıklar*). Даже мухи и пчелы, которыми они оборачиваются, как правило, необыкновенно крупные и страшные. Превратившись в двух огромных медведей Назкоров, Дарок и Кайе отважно сражаются в порту с султанской гвардией. А на корабле пирата-капитана Гуры, увозящего представителей народа насра в счастливый город харнанов, оборачиваются двумя большими белыми орлами, которые, взметнув в небо над султанскими галионами, сбрасывают на противника горящие пушечные ядра. Мелькара в лесу Эрасла, защищая от лесных хищников пришедших к нему Дарока, харнана Зорго и делегацию насра, превращается в чудовище, похожее на слона с тремя хоботами, огромными рогами, в большим количеством глаз и панцирем. В морском сражении с кораблями султана, преследовавшими галион Гура, Мелькара превращается в громадного сказочного паука/спрута (*Yavurtan Ögümceği*), вынырнувшего из морской пучины и уничтожившего щупальцами галеры и галеоны султана.

Каким бы страшным и ужасным ни было создание, в которое превращается шаман, его действия всегда имеют положительную коннотацию. «Когда Мелькара, обернувшись пауком Йавуртаном, вытащил свою голову из воды, он оказался как раз между двух султанских галионов. Паук Йавуртан был мифическим чудовищем, которое жило в этих местах многие столетия назад, задолго до возникновения страны Делькарны. Его обителью были морские пучины, он питался мясом и кровью, долгие годы приводя моряков в неопикуемый ужас. И хотя своими длинными щупальцами он напоминал спрута/осьминога, а широким телом — кита, тем не менее из-за разного размера паутины, которую он буквально выплевывал из своего тела, народ чаще всего сравнивал его с пауком. Йавуртаном же его назвал моряк, который, оставшись в живых после встречи с чудовищем, первым его описал.

Мелькара разбрасывал по палубам султанских солдат своими щупальцами, полными острых шипов, некоторых из них он потом скидывал в море <...> Мелькара прикладывал невероятные усилия, что держать себя в теле этого гигантского чудовища и сопротивляться резкой боли от мечей и стрел, вонзавшихся в его тело. Но старый шаман не привык легко сдаваться, защищая правое дело» [3. S. 196].

Таким образом, фантастическое во второй парадигме связано с прилагательными «гигантский», «огромный», «страшный», характеризующих небывалое уродство и необыкновенную мощь, направленную на восстановление/достижение «добра» и «света». С помощью этих прилагательных в парадигму вводится и народ харнанов, связанных с шаманами. Харнаны своими очертаниями напоминают очень высоких людей. Но при этом имеют длинные хвосты и рога. Их возраст определяется по величине рогов. Как выясняется из слов одного из харнанов Зорго, оказавшегося на корабле капитана Гуры, его хвост-змея — это отдельное существо (отдельно питается, отдельно мыслит, по-особому говорит). Зорго называет его Ордосом. Ордос не всегда мирно уживается с телом Зорго. Попытки Зорго совершить недозволенные законами харнанов действия (например, выдать людям месторасположение их города), пресекаются Ордосом. Ордос угрожает своему хозяину тем, что готов его укусить и, таким образом, уничтожить, не страшась даже погибнуть вместе с телом харнана. Харнаны имеют собственную государственность. У них есть парламент, правительство и армия, на вооружении которой находятся необычные подводные корабли (типа подводных лодок). Харнаны ненавидят и боятся людей. Лишь Мелькару они почитают как святого. В их городе повсюду присутствуют его портреты и памятники. Поэтому только Мелькаре удастся уговорить Зорго и Ордоса показать капитану Гуре и пассажирам его галиона дорогу к городу харнанов.

Мелькара вообще особенный среди шаманов. Он обладает связью с Древними Силами. Поэтому его зовут Главным шаманом, Отцом шаманов. Посредством боя барабана и шаманского танца он впадает в транс, его тело остается среди людей, а душа отправляется в путешествие по Древней Стране (Kadim Diyar). Эта страна безгранична. Она состоит из многих слоев/этажей. В ней время течет иначе. Танец шамана, который на земле занимает несколько минут, там длится неделями, месяцами, превращаясь в духовное путешествие. Мелькара дальше других шаманов может бродить по Древней Стране. Например, он отправляется туда, чтобы спасти умирающих людей, души которых попадают в ее Долину Мертвых. Мелькара собирает души в Долине, не давая им упасть в бездонную пропасть, из которой уже не будет спасения.

Мелькара признается, он «заходил в Древней Стране так далеко, куда не мог зайти ни один шаман», он «приближался к Богам так близко, как

не мог приблизиться никто другой» [3. С. 176]. Отец шаманов осознает свою особую силу, которая позволяет ему превращаться в любое живое существо, властвовать над временем и обрести бессмертие.

Старый шаман был свидетелем всей истории Делькарны, видел много войн и смертей, многих людей спасал от смерти. Но настал час, когда он разочаровался в бесконечной жизни. Его близкие и любимые не смогли победить смерть и давно исчезли в Долине Смерти. Правительство страны не прекращает кровавых войн, люди не желают прислушиваться к наставлениям старого шамана. Даже более того, они теперь охотятся на него самого, ведь практически всех остальных шаманов в стране убили. Поэтому Мелькара и находит уединение под землей среди непроходимого леса Эрасла. И только Дароку своими убеждениями удастся вернуть его к людям.

Необыкновенный сюжет усиливает эффект фантастического. В его центре находится морское путешествие на быстроходном пиратском галионе под названием «Кылычбалыгы/Рыба-меч» нескольких десятков людей — представителей народов насра и делькар, не желающих мириться с деспотичной властью султана Артериуса. Их плавание долгое и опасное. Они плывут из Делькарны в неизвестность, так как никто из людей не знает, где находится счастливый город харнанов. Руководят путешествием капитан Гура и шаман Дарок, которые пытаются уговорить харнана Зорго (его капитан Гура когда-то спас от смерти при крушении харнанского корабля) показать им дорогу к Харнанику. Зорго, хранящий тайну своего города, соглашается помочь людям только после встречи с Отцом шаманов Мелькарой, которого путешественники находят в его потаенном убежище в лесу Эрасла, и после того, как Мелькара отправляется вместе с ними. По дороге к беглецам присоединяются сестра Дарока Кайе, а также крестьянские девочки-насра, сестры Эймар и Натенси, которых во имя их спасения похитил из родной деревни Дарок.

Во время путешествия в таинственный город беглецам приходится бороться не только с представителями султанской власти, которые за ними гонятся, поскольку на корабле находится похищенный у султана пергамент, но и враждебными по отношению к ним животным и растительным мирами. Фантастические чудовища нападают на путешественников в основном на суше, во время стоянок корабля. Названия отдельных тварей строятся либо по окказиональному принципу (жук-поперечник, заяц-висельник, огонь-птица, люди-обезьяны и др.), либо

являются плодом вымысла автора (оранек, назкор и др.). Например, стая оранеклеров нападает на Дарока и его спутников в лесу Эраслы, где они ищут убежище Мелькары. Оранеклеры имеют жуткий внешний вид. Они похожи на кенгуру (длинные задние и короткие передние ноги), невысокие (в половину человеческого роста), у них два ряда острых зубов и раздвоенные языки. На их спинах расположены десятки иголок, как у ежей. В случаях опасности, они выпускают иголки наружу. Особенность этих животных заключается в том, что они очень прожорливы. Один оранек не может наестся двумя большими кабанами или лошадью. Голод подавляет в них все остальные чувства. Зимой, когда они впадают в спячку, их самки вынашивают детенышей. Живут исключительно в стаях.

На Тигрином острове в океане путешественники встречаются со злыми, огромными тиграми, приручившими людей-обезьян. Тигры общаются с Кайе посредством картин-образов, которые они посылают шаманке и ее товарищам. Картины объясняют людям с корабля Гуры, что хотят от них дикие звери — вытащить тигриного детеныша из пещеры. Кайе отправляется в пещеру с галлюциногенным газом, где встречает шарообразную тварь с острыми, как у рака клешнями. Тварь покрыта маленькими оранжевыми волосками, шипит и набрасывается на отважную шаманку.

Анализ речевых лексических средств позволяет выявить, как реализуются в романе-фэнтези разные грани поэтики фантастического: как описывается странно-необычные, сверхъестественные явления, как изображается вмешательство магических/волшебных сил в существование мира, как создается сюжетная тайна (месторасположение города харнанов), разгадка которой происходит в финале романа, как реализуются разные, в том числе формульные образные средства.

Литература:

1. *Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А.* Массовая литература сегодня. Учебное пособие. М., 2010.
2. *Репенкова М.М.* Вращающиеся зеркала: постмодернизм в литературе Турции. М., 2010.
3. *Müstecaplıoğlu B.* Şamanlar Diyarı. İstanbul, 2015.

А.Р. Салихова

Роль Габдуллы Кариева в становлении татарского профессионального театра

Аннотация: Статья посвящена творчеству Габдуллы Кариева. Рассматривается его многогранная профессиональная деятельность. Г. Кариев — актер, режиссер, организатор и педагог, внес весомый вклад в развитие татарского театрального искусства.

Ключевые слова: театр, спектакль, актер, Габдулла Кариев.

Aygul R. Salikhova

The role of Gabdulla Kariev in the emergence of Tatar theatre

Abstract: The paper is focused on Gabdulla Kariev's contributions to Tatar theatre. It considers his multi-faceted activities. Gabdulla Kariev, as an actor, director, organizer and a pedagogue, has made significant contributions to the development of Tatar theatre.

Key words: theatre, play, actor, Gabdulla Kariev.

В истории татарского народа оставили свой след выдающиеся личности, талантливые первооткрыватели, подвижники, преданные делу прогресса и просвещения. Среди них особое место занимает актер, режиссер, художественный руководитель первой татарской труппы «Сайяр» Габдулла Кариев (1886–1920). Его недолгая, но яркая, наполненная событиями жизнь, вся его кипучая творческая энергия были посвящены становлению национального сценического искусства. Он получил широкое признание еще при жизни: прогрессивная общественность называла его «отцом татарского театра». С большим уважением вспоминаем мы его и сегодня: выходят книги, статьи, есть музей, татарскому театру юного зрителя присвоено его имя. И это справедливо, ведь именно его

талант, энтузиазм, неповторимая творческая индивидуальность во многом определили основные особенности и пути развития национальной актерской школы.

Габдулла Кариев (Миннибай Хайруллин, 1886–1920) родился в деревне Кульбай Мораса бывшего Чистопольского уезда в семье бедного крестьянина. С семи лет учился в медресе. Обладая прекрасной памятью, в 12 лет знал наизусть «Коран». Мало кому это удавалось. Таких людей называли карьями. И мулла, недовольный тем, что Миннибай носит такое немусульманское имя, решил его переименовать. Нарекли его Габдуллой, что означает «раб божий». Таким образом, его стали называть Габдулла Карый. В 1904 г. он уехал продолжать свою учебу в медресе в г. Уральске. Здесь он встречается с прогрессивно настроенной местной интеллигенцией города, познакомился и подружился с поэтом Габдуллой Тукаем. В 1907 г. он устраивается продавцом газет и журналов на Нижегородской ярмарке, где впервые познакомился с труппой татарских актеров под руководством И. Кудашева-Ашказарского. По его воспоминаниям, он был настолько счастлив, что от восторга кинул свою шапку на сцену, а придя за ней за кулисы, уже не смог покинуть ее. И 2 сентября 1907 г. в спектакле «Жизнь с тремя женами» в роли доверенного он впервые выступает на сцене и «неплохо справляется». С этого дня начинается его жизнь, целиком и полностью посвященная сценическому искусству.

В периодической печати есть немало свидетельств о его актерской игре. Прежде всего в них отмечается жизненность, правдивость его исполнения. Например, Г. Тукай по поводу спектакля «Хозяин и приказчик» писал: «Кариев в роли Галимджана, благодаря своим правдивым действиям и поступкам, вполне уместным в ситуациях, предлагаемых автором, а также интонационному многообразию речи, удивительно точно походил на татарского бая, случайно попавшего вместо базара на сцену» [5. С. 44]. Другой критик, Г. Карам, оценивал игру Габдуллы Кариева в спектакле «Тайны нашего города» так: «Вообще, самый удачный акт в пьесе — третий. Здесь Кариев, создавая образ торговца, показывает весь свой талант. Причем проявляет не только прекрасные артистические данные, но и дар комика. Его грим, внешний вид до такой степени естественны и правдоподобны, что порой забываешь о том, что перед тобой артист...» [4. С. 84].

Если на начальном этапе своей артистической карьеры Г. Кариев придавал первостепенное значение внешнему сходству, даже копиро-

ванию определенного человека, то следующей ступенью в совершенствовании актерского мастерства являлось овладение внутренней техникой, даром перевоплощения. Постепенно он учился тонко и глубоко проникать во внутренний мир изображаемого персонажа, его душевное состояние, передавать все оттенки его переживаний, неуловимые, индивидуальные черточки его характера, тончайшие психологические нюансы. Тот же Г. Карам писал о нем: «У Кариева самое ценное, определяющее достоинство — это неповторяемость в игре. Он — настоящий актер, умеющий прекрасно, мастерски передавать татарские типы. Вместе с тем, и в переводных русских и зарубежных произведениях его игра отличается правдивостью и естественностью. О них не скажешь, что создал их татарский актер. Он проникает в их смысл, в их психологию. Это талант, выпавший на долю очень немногих артистов. У очень талантливых исполнителей бывают такие моменты, когда они, присутствуя на сцене, и, даже не говоря ни слова, посредством только лишь мимики передают зрителям трагическое, жуткое состояние человека. Вот и у Кариева бывают иногда такие минуты. Он с одинаковым мастерством выступает как в комедиях, так и в трагедиях... Как трагичен старик в “Последнем привете”, так же смешон старик в “Первом театре”. Или сколько контраста между Свингали в “Трильби” и городничим в “Ревизоре”» [4. С. 86].

Будучи ярким комиком, обладая талантом пародиста, Г. Кариев, все же, стремился к более глубокому, полнокровному воплощению на сцене своих персонажей. Одна из его самых ярких ролей — Карим-бай в драме «Несчастный юноша». Актер Зайни Султанов пишет о ней так: «“Несчастный юноша” по своей манере письма, художественным особенностям и по объему отличается от до сих пор игравшихся на сцене пьес. Вместе с тем эта пьеса отличается реальностью, полнотой, глубиной типов. Она дает возможность актерам с большой отдачей играть любимую роль. Кариев Карим-бая играет с большим вдохновением, живо и со всей полнотой воссоздает образ человека жадного, увлеченного больше своими коммерческими делами, чем воспитанием сына. Спектакль неоднократно игрался во многих городах и Кариев каждый раз находил новые краски, и, дополняя свою роль разными деталями, обогащая ее, создал по-настоящему полнокровный, реальный художественный образ. Кариев в жизни был необыкновенно наблюдательным человеком. Свои наблюдения жизненных событий, случаев, характерных черт окружаю-

щих его людей по необходимости он умело использовал в своем творчестве» [2. С. 27–28].

Габдулла Кариев вошел в историю не только как один из первых и самых ярких актеров. Огромное значение для татарского театра имел его организаторский талант. С 1908 г. он в качестве распорядителя товарищества руководил труппой «Мосафир артистлар жәмгыяте» («Общество странствующих артистов»), получившей впоследствии название «Сайяр». Первый спектакль труппы под руководством Кариева состоялся 12 января 1908 г. в Уральске. И дальнейшее поступательное развитие и рост популярности театрального искусства среди населения, безусловно, связан с его активной деятельностью.

Г. Кариев заложил основы профессиональной режиссуры татарского театра. Большое значение он придавал психологической разработке характеров, глубокому проникновению в образ и при этом умел добиться ощущения ансамбля в актерском исполнении. Исследователь татарской режиссуры М.Г. Арсланов приводит описание творческого метода Г. Кариева: «Жизнь была для него незаменимым арсеналом, источником несметных богатств, творческого потенциала. Если в эмоциональной памяти не имелось необходимого материала для работы, он уходил в те места, где находились люди той среды, которая изображена в пьесе. Только после тщательного изучения реальных прототипов действующих лиц он снова продолжал работу, он учил тому же своих актеров. В силу того, что театр постоянно находился на гастролях, и за неимением хорошо оборудованной стационарной сцены Кариев не мог полностью реализовать свои замыслы. Поэтому все внимание и силы он отдавал работе с актерами. Кариев рассказывал интересные эпизоды из личной жизни, проводил литературные параллели, стараясь возбудить творческую фантазию актеров и, наконец, пользовался приемом показа, когда не получалось какое-то место роли у того или иного исполнителя. Будучи режиссером реалистического направления Г. Кариев стремился воссоздать на сцене “кусочек жизни” во всей его полноте» [1. С. 61].

Сам Г. Кариев играл ярко, сочно, колоритно. И вместе с тем, будучи не только артистом, но и руководителем труппы, режиссером, педагогом, он никогда не забывал о своих товарищах по сцене, не тянул одеяло на себя. Ш. Ахмадеев в рецензии на спектакль «Без вины виноватые» А. Островского отмечает такой момент: «Кариев-Дудукин хорошо справился со своей задачей. Он как бы связал всех в спектакле. Если бы он

не играл с особым мастерством и вдохновением, то это сказалось бы отрицательно на игре других артистов и стало бы причиной их творческой неудачи. Его всесторонняя игра придала общему откровению особо вдохновенный вид»¹. Таким образом, Г. Кариев, играя свою роль, сознательно организовал весь ход спектакля, тем самым давая возможность другим актерам выявить свою индивидуальность.

Творческая деятельность Г. Кариева поистине многогранна. Он организатор и администратор, режиссер и педагог, даже пробовал себя в драматургии (его одноактная комедия «Артист» и сегодня читается с большим интересом). Он никогда не переставал учиться, постоянно развивался, стремился к профессиональному совершенству. Г. Кариев дружил и тесно сотрудничал с первыми национальными драматургами: Г. Камалом, Ф. Амирханом, С. Рамиевым, И. Богдановым. Благодаря ему репертуар труппы «Сайяр» обогащался произведениями русской и мировой классики. В качестве примера можно назвать такие постановки, как: «Коварство и любовь» Шиллера, «Гроза», «Без вины виноватые» А. Островского, «Горе Фахрутдина» Н. Вазирова, «Ревизор» Гоголя, «Вишневый сад» Чехова, «Мещане» Горького, «Альмансор» Гейне, «Надиршах» Нариманова. Будучи руководителем труппы, Габдулла Кариев повсеместно искал и находил яркие дарования, привлекал их к сценической деятельности, способствовал их успеху и творческому росту. Среди его блистательных учеников — Карим Тинчуринов, Гульсум Болгарская, Зайни Султанов, Касым Шамиль, Нагима Таждарова, Фатыма Ильская и многие другие.

Авторитет Г. Кариева был огромен. В 1916 г. в журнале «Анг» о нем писали: «Габдулла эфенде — в полном смысле слова артист — подвижник, создавший единственную национальную и ныне всеми любимую труппу, поднявший ее до нынешнего уровня. Уже девять лет Габдулла эфенде наперекор всем трудностям продолжает дело этой труппы. Каких только испытаний не выпало на долю артистов! Но, благодаря мужеству и упорству Кариева, его беззаветной вере в свое дело, они все препятствия преодолели... Этот человек душой и телом предан одной идее, одной задаче — служению искусству. Если бы не было Кариева, то, без сомнения, не было бы и дарящей нам наслаждение своими прекрасными спектаклями труппы “Сайяр”. Наш национальный театр неразрывно связан с именем Кариева. Мы не ошибемся, если скажем, что именно Кариев дал национальному театру права гражданства» [4. С. 61].

¹ Йолдыз. 1915. 20 декабря.

Жизнь Габдуллы Кариева не была простой и усыпанной розами. Были в ней и трудности, и лишения, и болезни. Он рано умер, в 33 года, в тяжелом и беспокойном 1920 г. Но осталась благодарная память потомков и, конечно же, наш замечательный татарский театр — дело, которому он посвятил всю свою жизнь.

Литература:

1. *Арсланов М.Г.* Татарское режиссерское искусство (1906–1941). Казань, 1992.
2. Габдулла Кариев. Статьи, воспоминания, документы. Казань, 1976 (на татар. яз.).
3. Габдулла Кариев. Исторически-документальный сборник. Казань, 2011 (на татар. яз.).
4. *Салихова А.Р.* Татарский театр в литературно-критическом наследии Габдрахмана Карама. Казань, 2003.
5. *Тукай Г.* Произведения. Т. 4. Казань, 1956 (на татар. яз.).

Дильбер Сарышахин

**Состав гласных в парных сочетаниях
звукоподражательных слов
с точки зрения фоносемантики**

Аннотация: Звукоизобразительная лексика (далее ЗИЛ), представляющая собой предмет изучения фоносемантики, является важным свидетельством наличия связи между звуком и значением в языке. При этом, для ЗИЛ турецкого языка характерна редупликация корня и функционирование в качестве парных сочетаний. Подобные группы парных сочетаний дают весьма богатый материал для исследования с точки зрения связей между звуком и значением, а также звуковым составом и значением. Сходства в оттенках значений удвоенных, обладающих определенным звуковым составом, дают нам более системный взгляд на парные сочетания ЗИЛ. Различия в значениях ЗИЛ, возникающие при изменении звукового состава (чередовании), могут выражаться в различных формах также в зависимости от высоты звучания в момент возникновения звука.

Ключевые слова: Звукоизобразительная лексика, фоносемантика, звукоподражания, редупликация (удвоение), парные сочетания, турецкий язык.

Dilber Sarisahin

**The composition of the vowels in paired phrases
of onomatopoeic words in terms of phonosemantics**

Abstract: Sound-expressive vocabulary, which is the subject of phonosemantics, is an important evidence of the connection between sound and meaning in the language. The sound-expressive vocabulary in Turkish language is characterized by reduplication of the root and functioning as paired phrases. These groups of paired phrases give very rich material for research in terms of the connections between sound and meaning, as well as sound composition and meaning. Similarities in the shades of the doubling values, which have a certain sound composition, give us a more systematic view of paired combinations of sound-expressive vocabulary. Differences in the sound-expressive vocabulary meaning that arise when the sound composition (alternation) changes, can be expressed in various forms also depending on the pitch of sound at the time of sound generation.

Key words: sound-expressive vocabulary, phonosemantics, onomatopoeia, reduplication, paired phrases, Turkish.

В некоторых случаях между лежащим в основе номинации денотатом и значением слова имеется прямая связь. Яркий тому пример — звукообразительная лексика (далее — ЗИЛ), являющаяся естественным следствием связи между звуком и значением.

Еще одна форма, возникшая согласно принципу мотивированности значения ЗИЛ, наблюдается в форме удвоений-повторений и представлена в довольно большом количестве. Согласно нашей оценке, по уровню использования ЗИЛ в одиночном виде встречаются намного реже, чем в парных сочетаниях [1].

С точки зрения звукового состава, второй элемент в удвоениях корневых и производных ЗИЛ полностью повторяет первый. Например: *kitir kitir*: становиться сухим и ломким от сильной обжарки (TSöz); *tingir tingir*: звонкий и тонкий повторяющийся звук позвякивания при падении и последующем вращении жестяных предметов типа кастрюли, медного таза (TSöz); *viz viz*: жужжащий звук (TSöz).

Корни в ЗИЛ не являются застывшими. Гласные в корнях ЗИЛ могут чередоваться со взаимозаменяемыми с точки зрения фонетики звуками. При этом особо примечательно чередование гласных в корневых и производных ЗИЛ. Чередование, при этом, отражает интенсивность звучания денотата, а следовательно отражается и в значении ЗИЛ. В зависимости от высоты звучания в момент возникновения звука среди удвоений представлены различные элементы. Это можно наблюдать в таких формах, как *fak fak*, *fik fik* или *fok fok*, выражающих разную интенсивность и высоту звучания при кипении жидкости. Например, тур.:

1) **fak fak**: тихий звук при кипении жидкости. (DS); **fik fik**: звук, издаваемый кипящей жидкостью. Однако звукоподражание *fak* является менее интенсивным и сильным. **Fok fok**: очень громкий звук кипения, бурления. Гласные чередуются в данных примерах, по всей видимости, по определенной причине и в соответствии с некой закономерностью;

2) **çap çap**: звук плескания. (DS); **çip çip**: звук плескания в воде, буль-буль (TSöz);

3) **çatır çatır**: звук при ломании хрупких предметов, таких как доска, косточка, и пр. (TSöz); **çitir çitir**: звук ломания деревянных трубок. (TSöz); **çitir çitir**: хруст.(DS);

4) **pat pat**: звук хлопков или ударов.(TSöz); **pıt pıt**: издавать легкие звуки.(DS);

5) **tak tak**: грубый звук удара твердых предметов.(TSöz); **tık tık**: сухой звук при ударе легкого предмета о твердый.(TSöz); **tik tik**: тик-так, звук тиканья часов.(Tsöz); **tok tok**: звук при ударе камней друг о друга (DS);

6) **çörçör**: звук капли (DS); **çırçır**: маленький фонтанчик, родник (DS); **çırçır**: неполноводный родник, ручеек (DS).

В группах удвоений ЗИЛ, представленных в данных примерах, с точки зрения значения нет произвольности, напротив, наблюдается упорядоченность и мотивированность. Кроме того, можно установить характеристики описанных звуков в зависимости от использования гласных для передачи определенных значений. Самое часто используемое чередование встречается среди широких и гласных звуков. Такие характеристики денотата, как сила/слабость, широта/узость, твердость/мягкость, высота, долготы/краткость, в ЗИЛ соответствуют широким и узким гласным. Широкие гласные, особенно [a], [o], в инлауте показывают силу, высоту, интенсивность или долготу звучания имитируемого ими естественного звука (денотата); узкие гласные, особенно [i], [ı], [u], напротив, показывают слабость, неинтенсивность, низкое звучание и краткость имитируемого ими звука (денотата). Уровень интенсивности и силы звучания, таким образом, пропорционально возрастает от узких гласных к широким. Сильное действие передается широкими гласными, а слабое действие — узкими. С этой точки зрения представляется возможным и необходимым выработать четкое правило для классификации ЗИЛ турецкого языка.

Литература:

1. *Demircan Ö.* Türkçede nedenli göstergeler: yansımalarda anlamlama // Uluslararası Türk dilbilimi konferansı bildirileri. VIII. Ankara, 1997. S. 191–206.

Т.И. Султанов

Полиэтнические термины чагатай и узбек

Аннотация: Имя второго сына Чингиз-хана — Чагатай осталось в истории тюркских народов и как официальный термин для обозначения среднеазиатского монгольского государства, и как название кочевников, составлявших военную силу Чагатайского государства, а также название сложившегося в эпоху Тимуридов восточнотюркского литературного языка (*чагатай тюркиси*).

Со второй половины XIV в. кочевое население Золотой Орды известно нам под общим собирательным названием *узбеки*. Происхождение названия «узбек» окончательно не выяснено. Как имя собственное это слово встречается и для периода ранее XIV в.

Ключевые слова: чагатай, узбек, восточнотюркский язык, тюрки, Золотая Орда.

Tursun I. Sultanov

Polyethnic Terms *Chagatai* and *Uzbek*

Abstract: *Chagatai* - the name of the second son of Genghis Khan — has remained in the history of the Turks as the official term to define Mongolian state of Central Asia and as the name for nomadic peoples, who created the core of military force of *Chagatai* state, at the same time as the name of Eastern Turkic literary language formed during the Timurid dynasty epoch.

Since the second half of XIV century nomadic population of the Golden Horde is known under common collective notion “Uzbeks”. The origin of the name “uzbek” has not been found yet. As proper name, this word is common for a period before the XIV century.

Key words: *chagatai*, *uzbek*, eastern Turkic language, the Turks, Golden Horde.

Из всех сыновей Чингиз-хана его второй сын, Чагатай, был единственным, имя которого сделалось: 1) официальным термином для обозначения среднеазиатского монгольского государства; 2) названием кочевников, составлявших военную силу Чагатайского государства; 3) а также названием сложившегося в эпоху Тимуридов восточнотюркского литературного языка (*чагатай тюркиси*).

Войско Тимура состояло почти исключительно из конницы, а его главная военная сила — из чагатаев. Чагатаи были верны не только кочевой традиции, но и некоторым монгольским обычаям: они носили особую одежду, по обычаю брили голову, но оставляли пучок длинной косы. Как привилегированное военное сословие чагатаи занимали особое положение в государстве Тимура сравнительно с оседлым населением. И эта особенность четко зафиксирована у Клавихо, посла короля Кастилии к Тимуру: «А эти чагатаи пользуются особыми льготами от царя: они могут ходить со своими стадами везде, где хотят, пасти их и сеять и жить, где им вздумается, как летом, так и зимой. Они свободны и не платят подати сеньору (государю), так как служат ему на войне, когда их позовет. И не думайте, что они где-нибудь оставляют своих жен, детей и стада, — все, что у них есть, они берут с собой, когда идут на войну или переходят с места на место».

Тимуру удалось примирить между собой чагатаев, более того, создать из них высоко дисциплинированную военную силу, слепо преданную своему харизматическому вождю. После смерти Тимура в 1405 г. политическая ситуация в стане резко изменилась. Если при Тимуре термин «чагатай» относился не ко всему населению страны, а только к военному сословию, то в XV в. он приобрел более широкое значение: чагатаями стали именовать все тюркское население Мавераннахра без ограничения его кочевой частью. Позже, в период борьбы Тимуридов с Мухаммадом Шейбани, все население Мавераннахра, как тюркское, так и таджикское, стало именоваться чагатайским народом (чагатай эли), в противоположность дештским узбекам Шейбани-хана. По этнографическим данным часть населения Мавераннахра еще в начале XX в. достаточно стойко сохраняла самоназвание чагатай.

Из всех государственных образований, на которые распалась Монгольская империя, особое значение для политической и этнической истории тюрков Евразии имело государство потомков старшего сына Чингиз-хана, Джучи, — Золотая Орда. В источниках при освещении событий XIII – первой половины XIV вв. для обозначения кочевого населения одинаково употреблялись слова «татары», «монголы», «тюрки», «кипчаки». Из этих названий дольше всех удержалось слово «татары»: в частности, в русских источниках кочевое население Золотой Орды продолжали называть татарами и после XV в., так что для русских «татарскими» были все тюркские государства монгольской династии, с ко-

торыми они имели непосредственный контакт в XV–XVI вв., ханства Казанское, Астраханское, Крымское и Сибирское (на Иртыше, около современного Тобольска). Постепенно центральноазиатское слово «татар» превратилось в самоназвание тюркоязычного населения Поволжья (от Казани до Астрахани, Крыма и части Западной Сибири). Этническую основу татар Поволжья, Крыма и Западной Сибири составили тюркские племена и общности, исконно жившие на этих территориях; происхождение современных татар Российской Федерации не определяется этнической историей древних татар Центральной Азии и прямо не связано с ними; это следует четко помнить и различать.

Со второй половины XIV в. кочевое население Золотой Орды известно нам под общим собирательным названием узбеки. Происхождение названия «узбек» окончательно не выяснено. Как имя собственное это слово встречается и для периода ранее XIV в. Как имя части кочевых племен Улуса Джучи слово «узбеки» впервые встречается у персидского историка и географа XIV в. Хамдаллаха Мустауфи Казвини (ум. 1350 г.). Описывая военный поход золотоордынцев на Кавказский Азербайджан в 1335 г., он описывает воинство Узбек-хана *узбекцами (узбекиан)*, а государство потомков Джучи — «Государством узбекцев» (*Мамлакат-и Узбеки*).

Более поздние персоязычные и тюркоязычные авторы, писавшие об Улусе Джучи, распространили имя Узбек-хана на все разноплеменное кочевое население Золотой Орды и на само государство потомков Джучи. С XV столетия, по мере распада Золотой Орды и приобретения политического суверенитета отдельными ее частями, слово узбек, как этническое и государственное название, постепенно исчезло из употребления в западных областях Великой Степи и осталось только за кочевыми и тюркизированными племенами Восточного Дешт-и Кипчака, хотя ханы этой области не происходили от хана Узбека (ум. 1341 г.). Для обозначения территории их обитания мусульманские авторы стали употреблять исключительно термин *Узбекский улус* или просто *Узбекистан* («Страна узбеков»). Таким образом, тогдашний средневековый Узбекистан включал в свой состав в частности территорию современного Центрального, Северного, Северо-Восточного и Западного Казахстана.

В 1500 г. потомки Шибана, сына Джучи, братья Мухаммад Шейбани и Махмуд-султан, пользуясь раздробленностью государства Тимуридов в Средней Азии, выступили из Узбекского улуса (Восточного Дешт-и

Кипчака) со своими приверженцами, захватили Бухару, а в следующем году Самарканд и основали там, в Мавераннахре независимое ханство.

Около 1511 г. из Восточного Дешт-и Кипчака (Узбекского улуса) выступила еще одна группа оставшихся в Великой Степи Шибанидов (потомков Шибана, внука Чингиз-хана) во главе с Илбарс-султаном и Билбарс-султаном, тоже братьями. Они со своими приверженцами овладели Ургенчем, Хивой и прочими областями Хорезма и там, в низовьях Аму-Дарьи, основали другое независимое государство Шибанидов, впоследствии получившее в литературе название *Хивинское ханство*.

Уход Шибанидов со значительной частью кочевых племен Узбекского улуса с территории, занимаемой современными Казахскими степями, послужил причиной переноса термина узбек в покоренные ими области Средней Азии. Однако еще долгое время в Мавераннахре и Хорезме название узбек оставалось только за теми родами и племенами Узбекского улуса, которые вместе с Шибанидами пришли в Мавераннахр. Даже в XIX столетии в самих среднеазиатских ханствах термин узбек употреблялся редко, обычно только в тех случаях, когда узбека (т. е. «дешти-кипчака» по происхождению) нужно было противопоставить представителю иной этнической или социальной группы, например, *таджику*, *сарту* (так называли тогда в большинстве районов Средней Азии говорившее по-тюркски городское население) или *чагатаю* (так, по имени Чагатая, второго сына Чингиз-хана, сама себя называла в то время часть населения Средней Азии). Объединяющим этнонимом на территории в границах современного Узбекистана термин узбек стал лишь с XX в., после формального разделения Туркестана (Средней Азии) на национальные республики. Так что история современного узбекского народа не тождественна с историей его имени. И это следует помнить.

Н.Н. Телицин

К вопросу о формах субъективной оценки в древнеуйгурском языке

Аннотация: Древнеуйгурский язык, часто называемый уйгуро-огузским, представлен огромным корпусом памятников, датируемых VIII–XIV вв. В текстах памятников можно встретить большое количество трудно поддающихся интерпретации слов и словосочетаний. К таким сложным местам следует отнести и имена существительные, обозначающие религиозные термины и явления, и глаголы. Система глаголов в древнеуйгурском языке позволяет высказать предположение о «продуктивном» словоизменительных и лексеообразовательных процессах, которые использовались носителями языка для передачи информации.

Ключевые слова: древнеуйгурский язык, лексеообразование, словоизменение, грамматическая форма.

Nikolay N. Telitsin

On the Form of Subjective Evaluation in the Old Uighur Language

Abstract: The Old Uyghur language, which is often called the Uyghur-Oghuz language, means a large text corpus dating back to the 8th - 14th centuries. In these texts one can find a great number of words and phrases being difficult to interpret. To such difficulties nouns denoting religious terms and phenomena, and verbs are to be referred. The verb system in Old Uyghur gives us an opportunity to hypothesize about the efficiency of inflectional and lexeme formation processes that were used by the native speakers to transfer the information.

Key words: the Old Uyghur language, lexeme formation, inflection, grammar form.

При чтении древнетюркских памятников, особенно относящихся к последнему периоду существования древнеуйгурского языка, часто называемого уйгуро-огузским, можно встретить большое количество

слов и словосочетаний, которые трудно поддаются интерпретации. Такого рода трудности можно объяснить особенностью того или иного переводчика, осуществлявшего перевод, а также языка, с которого то или иное произведение переводилось на тюркские языки.

К таким словам можно отнести имена существительные, обозначающие религиозные термины и явления, а также глаголы. Система глаголов в древнеуйгурском языке позволяет высказать предположение о «продуктивных» словоизменительных и лексемообразовательных процессах, которые использовались носителями языка для передачи информации.

При изучении древнеуйгурских рукописей нам встретился интересный пример, где употребляется глагол *jaršmalaš-*.

... *ančulaju bolur qaltı ol süñüşčilär qılıč süñü jaršmalašu salmiš teg utsuqdačılar tını üzülür; utdačılar üni etär* (НТВIII: 0556(2) – 0562(8)).

«Получается так: дыхание поверженного прерывается и звучит голос победителя, словно те сражающиеся “испытали (скрестили(?))” копья и мечи».

На наш взгляд, установить «грамматическое значение» глагола *jaršmalaš-* можно по тем редким случаям употребления, основываясь на «смыслах», или же реконструировать по происхождению глагола.

В памятнике, изданном К. Рёрборном (Röhrborn K. Eine Uigurische Totenmesse ВТТ II), мы находим пример, который может пролить свет на один из смыслов, передаваемых данным глаголом.

bu savlar öz köñülčä qaryşmaq jaršmalaşmaqlyq üzä işlägülik bulyuluq ärmäz (ВТТ II (195–197)).

«Эти слова (добро и зло?) сами по себе не существуют и не действуют посредством противопоставления и сравнения».

Здесь наряду с *jaršmalaš-* употреблен парный глагол *qarnš-*, исходя из значения которого ((1. смешиваться, 2. встречаться, 3. сражаться, сталкиваться, сходиться для битвы, 4. враждовать, ссориться, 5. быть враждебным)) можно установить соответствующее значение парного глагола *jaršmalaš-* как «сопоставляться, сравниваться(?), приспособлять, приноравливать; согласовывать, приводить в соответствие и т. п.».

То есть можно заключить, что глагол *jaršmalaš-* по своему значению «близок» глаголу *jarnš-* «состязаться», но отличается от последнего неким оттенком «неполноты действия».

jaršmalašu «наперегонки (?)»

Складывается впечатление, что и происхождение глагольной основы *jaršmalaš-* можно реконструировать как *jar(i)š-* + *malaš-*, где последнюю морфему можно было бы разложить на *-ma-* + *-la-* + *-š-*

Такая интерпретация стала возможной благодаря обнаружению в памятниках еще одного глагола, образованного по схожей модели — *üzmlä-* «вырывать, искоренять (?)»

kim bilgä biligi üzä vižir örgün olurup nizvanilarıy tarqardı üzmälädi (Maitr_Geng)

«Кто воссел благодаря мудрости на алмазном троне, изгнал и искоренил страсти?»

alqu türlüg tsujnuñ tözin jiltizin birdäm üzmälüp ... (TT IV B59)

«устранив почву (?) грехов всех видов...»

Благодаря предложенной модели можно предположить и вероятность существования в древнеуйгурском языке и других, схожих по структуре образований.

– модель: основа глагола + *-maγur-*

ermägür-

jetä erkligin erksizin erinip ermägürüp (Chuast L125).

Парные глаголы *erin-* *ermägür-* «проявлять небрежность, становиться нерадивым, лениться».

При анализе текста памятников можно выделить и еще одну модель образования «основа глагола + *-iγsa-*»: *ešitigsämäk* «желание слушать».

Кроме того, отмечена еще одна интересная форма *ašunmaqlašu*, *bu muntaγ ünliylar bir küntä üç kata kelip ašunmaqlašu tegip mini išururlar* (Suv - AY.P1.00.10.r10 - r12) (увеличиваться?)

jumqı birtin jüñaq jolanıp ašunmaqlašu barmışların körüp ... (Suv 599, 19).

Если предположить, что основной «идеей» сложения форм субъективной оценки в древнеуйгурском языке является образование по модели «основа глагола (причем данная основа может представлять собой и залоговую форму) + лексеообразовательная морфема (*-la-*, *-laš-*, *-γur-* и т.п.), то к ряду таких глагольных форм следует отнести и *adirtla-* < *adirt-t-t-la-* «различать, расследовать».

savların ajiu ötäglärin adirtlaju turur (Suv 12, 19).

Ф.Г. Хисамитдинова

Термины со значениями «мать» и «отец» в мифологической лексике тюркских языков

Аннотация: Термины родства занимают значительное место в мифологической лексике тюркских языков. В лексике тюркских языков нашли отражение следующие термины родства: ана ~ инэ ~ ене ~ эне ~ ама, эсэ ~ ече ~ еже 'мать'; ата ~ ада ~ атай, баба ~ бобо ~ бабай ~ паба, олаатай 'отец, дед, дядя'; аба ~ абу ~ апа ~ абый ~ эби ~ эбей 'брат, сестра, тетья, дядя, бабушка' и др.

В составе мифологической лексики терминов родства тюркских языков преобладают слова со значениями «мать» и «отец», что, безусловно, связано с архаичностью указанной группы терминов. Появление этих терминов связано с древними анимистическими и тотемистическими воззрениями тюрков.

Ключевые слова: термины родства, тюркские языки, лексика.

Firdaus G. Hisamitdinova

The Terms Meaning “Mother” and “Father” in the Mythological Lexicon of the Turkic Languages

Abstract: The terms of kinship play considerable role in the mythological lexics of the Turkic languages. In the lexics of the Turkic languages one can find such terms of kinship as ана ~ инэ ~ ене ~ эне ~ ама, эсэ ~ ече ~ еже 'mother'; ата ~ ада ~ атай, баба ~ бобо ~ бабай ~ паба, олаатай 'father, grandfather, uncle'; аба ~ абу ~ апа ~ абый ~ эби ~ эбей 'brother, sister, aunt, uncle, grandmother' and etc.

In the body of mythological lexics of the terms of kinship in the Turkic languages words denoting “mother” and “father” are dominating which, certainly, refers to the archaic nature of this term group. The appearance of these very terms relates to the ancient animistic and totemic conceptions of the Turkic peoples.

Key words: terms of kinship, the Turkic languages, lexis.

В мифологической лексике тюркских языков значительное место занимают термины родства. Судя по данным словарей и ряда работ по

тюркской мифологии, в мифологической лексике тюркских языков нашли отражение следующие термины родства: ана ~ инә ~ ене ~ эне ~ ама, эсә ~ ече ~ еже 'мать'; ата ~ ада ~ атай, баба ~ бобо ~ бабай ~ паба, олатай 'отец, дед, дядя'; аба ~ абу ~ апа ~ абый ~ әби ~ әбей 'брат, сестра, тетя, дядя, бабушка' и др. Ср.: *башкирские мифонимы*: Ағас анаһы 'дух, покровитель дерева', досл. 'мать дерева', Ер эсә 'дух, божество земли', досл. 'мать-земля', Зәңге бабай 'дух, хозяин домашнего скота', досл. 'дед Занги', Ыгу инәһе 'дух, божество воды', досл. 'мать воды' и др. Для сравнения приведем ряд примеров из мифологической лексики других тюркских языков. Ср.: *татарские*: Су бабасы 'дух, хозяин воды', досл. 'дед воды', Су анасы 'дух, хозяйка воды', досл. 'мать воды', Йорт анасы 'домовой (дворовой)', досл. 'мать дома (двора)'; *казахские*: Умай-ене 'богиня Умай', 'покровительница детей', досл. 'мать Умай', Кыдыр-ата 'пророк Кыдыр (Хызыр)', досл. 'отец Кыдыр'; *узбекские*: Амбар-она 'покровительница женщин', досл. 'мать Амбар', Бобо-дехкон 'покровитель земледелия', досл. 'отец дехкон'; *киргизские*: Умай-эне 'божество', покровительница женщин и детей, досл. 'мать Умай', Чолпон-ата 'покровитель овец', досл. 'отец Чолпон'; *туркменские*: Буркут-баба 'дух, хозяин дождя', досл. 'отец Буркут', Хайдар-баба 'дух, хозяин ветра', досл. 'отец Хайдар'; *чувашские*: Вут ама 'божество огня', досл. 'мать огня', Ҫер амаше 'божество земли', досл. 'мать земли' и др. [1]

Судя по имеющимся материалам, не все термины родства одинаково представлены в составе мифологической лексики. Наиболее популярными, на наш взгляд, являются термины со значениями «мать» и «отец». Так, например, в словаре мифологической лексики башкирского языка из более, чем 5000 слов и словосочетаний 238 имеют в своем составе термины родства, а из них 59 названий связаны с терминами *ана, инә, эсә* 'мать', 34 — с *ата, атай* 'отец' а остальная мифологическая лексика образована от других терминов родства [2]. Приведенный статистический материал показывает, что в мифологической лексике башкирского языка наиболее многочисленной является группа названий, включающих в свой состав термины со значениями «мать» и «отец».

В связи с отсутствием полных словарей по мифологической лексике других тюркских языков, привести статистику по ним не представляется возможным. Однако имеющийся материал по мифологии и мифологической лексике ряда тюркских языков позволяет нам говорить о том, что в словообразовании мифологической лексики тюркских языков наибо-

лее активное участие приняли термины со значениями «мать» и «отец».

Для обозначения понятия «мать» в тюркских языках функционирует множество лексем. Например, в башкирском языке, его говорах и диалектах, а также фольклорных текстах, памятниках письменности наблюдаются следующие лексеммы и их варианты: ана, аный, анакай, анакам; инэ, инэй, инэкэй, инэкэү, инэм; энэ, энэй, энэкэү; эней, энекэй, энкэй; эсэ, эсэй, эсэкэй, эсэкэү и др. [3] В татарском языке и его диалектах зафиксированы термины ана, эни, инэ, анай, анакай, анайым, анакайым, аныкам, аныкайым [4]. В чувашском языке в значении «мать» отмечены следующие лексеммы и их варианты: аба, ама, ана, ани, анна, анне [5]. В казахском языке для обозначения понятия «мать» употребляются лексеммы апа, ана, аже, шеше и др. [6] В определенной степени близкие лексеммы наблюдаются в каракалпакском языке. Ср.: ана, апа, аже, шеше, кемпир, кише, жинге и др. [7] Судя по словарям, у лексем со значением «мать» почти во всех тюркских языках отмечены и другие значения. Так, например, в башкирском языке у данной группы лексем фиксируются следующие значения:

- *мать* (Ана күңеле балала, бала күңеле далала, досл. «мать думает о ребенке, а ребенок — о воле»);
- *тетя, тетка* (Хэспия инэйем — атайымдың апайы «сестра отца — Хаспия иней»);
- *почтенная женщина* (агинэй «уважаемая женщина», досл. белая мать);
- *самка животных* (инэ бүре «волчица», досл. мать-волк);
- *женская особь растений* (ана андыз «девясил высокий», досл. мать-девясил);
- *главная часть какой-либо вещи* (ана еп «цепь плуга», досл. мать-нитчина);
- *дух-покровительница, божество* (Һыу инэһе «дух-хозяйка воды», досл. мать воды) [8].

Аналогичные значения у лексем со значением «мать» зафиксированы и в других тюркских языках. Например, в татарском языке представлены значения:

- *мать* (Анам килен булган йорт, досл. земля, где моя мама стала снохой);
- *воспитательница, няня* (Бар ине бер анакасы «Была у нее одна няня»);

- *почтенная женщина* (мулла инә «образованная, грамотная женщина», досл. женщина-мулла);
- *самка животных и птиц* (ана аю «медведица», досл. мать-медведь);
- *кормилица* (аналыклар аны бакты «кормилицы воспитывали [его]»);
- *мифический персонаж, дух-хозяин* (Жир анасы «мать земли, дух земли») [9].

В чувашском языке, кроме значения «мать», у данной группы лексем зафиксированы значения мачеха, теща, свекровь, самка животных, название божеств и др. [10]

Приведенные материалы по тюркским языкам Урало-Поволжского региона показывают, что основными значениями лексем данной группы являются значения «мать», «матка (самка)», «бабушка», «дух», «божество», «создатель», «покровитель», «хозяин чего-либо». Таким образом, основное значение данной группы лексем тесно связано с женским началом, персонажем, выполняющим функцию создателя, родителя, покровителя. Следует добавить, что материалы этимологического словаря Э.В. Севортыяна также подтверждают вышеизложенное. В частности, у лексем *ana/ene* в словаре Э.В. Севортыяна зафиксированы следующие значения:

- *мать* (в чув. (ама), каз., тув., карк. (әнна), тат. диал. (өннә), у Радлова — ынна; *родительница* — кбал.; *мама* — тур. (анне), аз., кбал., алт.; *мачеха* — сюг., чув. диал.; *матушка* — турк. диал. кбал. (ынна), уз., як; *почтительное обращение к старшим женщинам, свекрови* — уз., ккал., каз., ккал., чув. диал.; *теща* — каз., ккал, чув. диал. и т. д.;

– *почтенная женщина* — кар.; *одна из почетных свих, ведущая коня невесты, сидя верхом на другой лошади* — як.;

– *бабушка* — турк., турк. диал., кбал (әнна), тат. диал. (өннә), уз. диал. (ынна); *прабабушка* — тув.;

– *тетя, тетка* — турк. диал., тув.;

– *няня* — тув.;

– *сказочная женщина* — кум. ене;

– *матка* (у животных) — кбал., каз., ккал. чув., як.;

– *самка* — кбал., тат., сал., хак., чув., як.; *особь женского пола* — чув.;

– *главная часть вещи* — тур. и др. [11]

Следует отметить, что не все лексемы со значением «мать» встречаются в составе мифологической лексики. Так, например, в словаре мифологической лексики башкирского языка нашли отражение следующие названия с лексемами со значением «мать»: *Абызэней* (гайн.)

«повитуха», *Ағас анаһы / Ағас анасы* (миас., среднеурал.) «дух дерева», *Ана андыз* (сакмар, иргиз) «женская особь девясила», *Аналы ау* «сеть в три ряда», досл. «невод с матерью-духом», *Арыш анасы / Арыш инәһе* (дем., арг., кизил.) «спорынья ржи, досл. мать ржи», *Ер инәһе / Ер анасы / Ер инәһе* (кизил., миас., карид., среднеурал., сакмар., дем.) «дух, божество земли, досл. мать земли», *Инәкәй* (средн.) «повитуха, досл. матушка», *Инәсек* (арг.) «повитуха досл. матушка», *Күз анаһы / Күз анасы* (иргиз., среднеурал.) «дух-покровитель глаз, досл. мать глаза», *Кояш ана* (фолькл.) «мать Солнце», *Кызылса инәһе* (вост.) «дух краснухи, досл. мать краснухи», *Руда инәһе / Руда анасы* (иргиз, сакмар, гайн.) «дух-хозяин руды, досл. мать руды», *Улан анаһы* (среднеурал.) «послед, досл. мать, родительница ребенка», *Һыу инәһе / Һыу анаһы / Сыу анасы* (вост., среднеурал., гайн.) «дух-покровитель воды, досл. мать воды», *Ут эсә* (фольклор.), *Ут анаһы / Ут анасы / Ут анасы* (дем., танып., сред., среднеурал.) «дух огня, досл. мать огня», *Һәүәнәй* (иргиз) «упырь, оборотень, злой дух воды, досл. мать воды» и др. [12]

Анализ лексем башкирского языка со значением «мать» показывает, что в составе мифологической лексики в основном представлены две лексемы *ана* и *инә*. По одному примеру дали лексемы эсәй (Ут-эсә) и әней (Һәүәнәй). Исходя из этого, можно предположить, что термины *ана* и *инә* являются наиболее архаичными. Именно поэтому они и представлены в составе мифологической лексики башкирского языка. По-видимому, аналогичная ситуация сложилась и в других тюркских языках. По крайней мере, материалы по татарскому и чувашскому языкам говорят в пользу данного предположения. Так, например, в чувашской мифологии представлены божества Вут ама «мать огня», Вут амаш «мать огня», Харпан амаше «мать жертвы», Ҷер амаше «божество земли», Ҷил амаше «мать-божество ветра» и др. [13]

Судя по материалам Д.Б. Рамазановой, в татарской мифологической лексике также в основном представлены названия от термина родства *ана*. Ср.: Җир анасы (лш) «земляной таракан, досл. мать земли», Йер анасы (хвл., кузн.) «дух земли, досл. мать земли», Йорт/Йырт анасы (тмн., лмб., кузн., срг) «дух двора, дворовой, досл. мать усадьбы, двора», Кызамык анасы (каз. ар., т.я., нокр., минз.) «дух кори, досл. мать кори», Су анасы «дух воды, досл. мать воды» и др. [14] Изложенные факты свидетельствуют о том, что лексемы *ана*, *инә* в тюркских языках относятся к наиболее раннему пласту терминологии родства. Имен-

но поэтому не только в башкирском, но и других тюркских языках эти термины участвуют в образовании мифологической лексики, связанной с древнейшей мифологией тюрков.

В мифологической лексике тюркских языков особое место занимают и лексемы со значением «отец». Как уже говорилось выше, в мифологическом словаре башкирского языка из 238 названий с терминами родства 34 наименования связаны с терминами ата, атай и др.

Судя по словарям, для обозначения понятия «отец» в тюркских языках функционируют следующие лексемы: *ата* (турк., тур., аз., ктат., кар., кум., кбал., кир., каз., ног., ккал., тат., баш., уйг., сюг., лоб., зушт, памятники письменности тюрков), *ата* (узб.), *ада* (хак., кыз., алт.), *адам* (чул.), *ада* (тув.), *еде* (тур. диал.), *ате* (чув.), *эти* (тат.), *ати* (чув. диал.), *атте* (чув.), *этэй* (баш. диал.); *аҫа* (чув.), *ече* (тур.), *ача* (узб.), *aza/azi/аси* (сал.), *ача* (лобн.), *ача* (тув.), *аҫа* (хак.), *ача* (алт.), *эһэ* (як.), *ачи/ичи* (др. тюрк.) и др. [15] Кроме *ата*, *ача* и их фонетических вариантов, в значении «отец» в тюркских языках также зафиксированы лексемы *баба*, *бабай* «отец, дядя, дед, предок, основатель рода»; *паба*, *бабоиш*, *бобуш* и др. в значении страший мужчина рода и т. д. Таким образом, кроме значения «отец», все лексемы имеют и другие значения. Так, например, судя по словарям башкирского языка, у лексемы *ата*, кроме значения «отец» зафиксированы значения:

- *предки* (Ете ата «предки», Ата-баба ләғнәтән алма «не бери проклятие предков»);
- *дух, покровитель, святой* (Айыу ата «отец медведь», Күк ата «отец небо»);
- *самец* (ата бесәй «кот», ата каз «гусак»);
- *мужская особь некоторых растений* (Арыш атаһы «спорынья, досл. отец ржи») и др.;
- *сакральное священное место* (Ата йорто «отчий дом», Ете ата кәбере «могила семи предков»);
- *сильный, большой, старший, насыщенный* (Йэй атаһы «разгар лета», Ата тимрәу «большой лишай») и др. [16]

А в других тюркских языках лексема *ата* и ее фонетические варианты употребляются в значениях:

- отец;
- вежливое обращение к старшим мужчинам;
- дед по отцу;

- дядя;
- старший брат;
- самец;
- дух, божество, создатель, предок, покровитель [17].

Как показывает материал, во всех тюркских языках лексемы со значением «отец» в основном связаны со старшими в семье, роде мужчинами, т. е. отцом, дедом, дядей. Что же касается мифологического значения, то у данной группы лексем во всех тюркских языках присутствует значение мифического или мифологизированного предка, покровителя, патрона.

Например, в башкирском языке зафиксированы мифологемы Кортот ата (фольк.) «святой, покровитель, предсказатель, прародитель отдельных групп башкир», Күк ата (Күк атабыз, ер эсәбез бар «есть отец-небо и мать-земля»), Тын ата «дух дыхания», Түлкә атай «святой, покровитель Түлкә» и др. [18] По другим тюркским языкам следует отметить словарь К.К. Юдахина по киргизскому языку, в котором нашли отражение следующие названия: Кыргыз-ата «дух, покровитель киргизов», Ойсул-ата — «покровитель верблюдов», Чолпон ата «покровитель овец и овцеводства», Дюльдюль-ата «покровитель коневодства» и др. [19] Довольно активно данная группа лексем, особенно лексема ата, употребляется в составе мифологической лексики казахского языка. Ср.: Нур-ата «один из святых казахов», Асан-ата / Есен-ата «род святых, их предводителей», Омар-ата «один из святых казахского пантеона», Мар-ата (жилан-баба) «мифический персонаж казахских сказок», Дәуіт-ата «покровитель кузнецов» и др. [20]

Следует отметить, что в мифологическую лексику тюркских языков проникли и другие лексемы со значением «отец». Так, например, в составе мифологической лексики башкирского языка довольно часто употребляемой лексемой является слово баба/бабай. Ср.: Йорт бабай «дух двора», Дауыт бабай (иргиз) «дух-покровитель железа», Зәңге бабай (иргиз, карид., среднеурал.) «дух-хозяин скота», Ыуу бабағы (гайн.) «дух-хозяин воды» и др. [21]

Мифологемы с лексемой баба/бабай зафиксированы и в татарском языке. Ср.: Жорт бабай, Күрше бабай «дух двора», Нардуган бабайы «дух-хозяин праздника Нардуган» и др. [22] В целом можно сказать, что термины родства со значением «отец» занимают важное место в мифологической лексике тюркских языков. Вместе с тем следует отметить и

то, что не все лексемы со значением «отец» принимают участие в образовании мифологической лексики. Как показывают материалы словарей, в тюркских языках Урало-Поволжья в основном представлены названия с лексемами ата и баба. Исходя из этого, можно предположить архаичность данных лексем в тюркских языках.

Таким образом, можно говорить о преобладании в составе мифологической лексики терминов родства со значениями «мать» и «отец». Безусловно, это связано с архаичностью данной группы терминов, особенно терминов со значением «мать». Появление этих терминов связано с древними анимистическими и тотемистическими воззрениями тюрков.

Примечания:

1. *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010; *Рамазанова Д.Б.* Атамаларда туганлык һәм гаилә мөнәсәбәтләре. Казань, 2014; *Кондыбай С.* Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы, 2005.; *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб., 2007.; *Токарев С.А.* Мифы народов мира. В 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 536–541.

2. Подсчеты автора.

3. *Хисамитдинова Ф.Г.* Академический словарь башкирского языка (далее — АСБЯ). В 10 т. Т. 1–6. Уфа, 2011–2015; Т. 7–10 в рукописи.

4. *Рамазанова Д.Б.* Указ. соч. С. 90–110.

5. *Егоров Н.И.* Избранные труды. Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. В 2 т. Т. 1. Чебоксары, 2009. С. 19–56.

6. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 278–281.

7. Там же.

8. АСБЯ. Т. 1. Уфа, 2011. С. 273; Т. 3. Уфа, 2012. С. 757–759.

9. *Рамазанова Д.Б.* Указ. соч. С. 90–110.

10. *Егоров Н.И.* Указ. соч. С. 19–56.

11. *Севортян Э.В.* Указ. соч. С. 280

12. *Хисамитдинова Ф.Г.* Указ. соч.

13. Салмин А.К. Указ. соч. С. 382–484.

14. *Рамазанова Д.Б.* Указ. соч. С. 96.

15. *Севортян Э.В.* Указ. соч. С. 200.

16. АСБЯ. Т. 1. С. 360–364.

17. *Севортян Э.В.* Указ. соч. С. 200–201.

18. *Хисамитдинова Ф.Г.* Указ. соч.
19. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965.
20. *Кондыбай С.* Указ. соч. С. 272.
21. *Хисамитдинова Ф.Г.* Указ. соч.
22. *Рамазанова Д.Б.* Указ. соч. С. 133.

З.С. Шукурова

Об издании свода переводов С.Н. Иванова из лирики Алишера Навои

Аннотация: Данная статья имеет целью проследить творческую лабораторию С.Н. Иванова в области перевода с древнетюркского языка, а именно творческого наследия великого узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои. Появление полного свода переводов под названием «Живой водою я владел...» С.Н. Иванова — своевременное издание лучших переводов из лирики Навои, составленное из многочисленных авторских и академических изданий разных лет и своеобразный ключ к практике перевода лирических стихов поэта на другие (в первую очередь, на английский) языки. Анализируется новый подход С.Н. Иванова к переводу жанра газель и адекватность воссозданных им стихов.

Ключевые слова: «творческая лаборатория», свод переводов, диван, классические жанры лирики, новые принципы перевода, внутренняя рифма, стиховая форма, адекватность.

Zilola S. Shukurova

About publication of collection of translations from Alisher Navoiy's lyrics done by S.N. Ivanov

Abstract: The article aims for investigation of Ivanov's laboratory of his creative activity on the field of translation from the ancient Turkish language, namely, creative legacy of the great Uzbek poet, thinker Alisher Navoiy. A new collection of translations done by S.N. Ivanov been published by Tashkent state university of Language and Literature. It is said to be the work carried out by number of authors and academic publications and considered as the result in showing the translator's many years work on Navoiy's creative activity on his book, which is named "I have had alive wailer". Analysis of translator's new approach to translation of ghazel genre has been carried out and correspondence of and analyses of Correspondence of S.T to T.T (source text and Target text).

Key words: "creative laboratory", collection of translations, devan (collection of ghazels), classical genre of lyrics new principles of translation of form of poems.

К творческому наследию и личности Алишера Навои — великого узбекского поэта и мыслителя, государственного деятеля, сыгравшего большую роль в судьбе народа и государства почти целой эпохи, все больше проявляют интерес многие зарубежные исследователи. Появление переводов некоторых бейтов поэта на английский, немецкий, французский, китайский, испанский, японский и др. языки в последнее десятилетие и научно-исследовательских работ по изучению жизненной и творческой деятельности поэта зарубежными исследователями (Казауки Кубо, Марк Тоутант, Александр Папас, Николас Вомсли и др.) знаменует о начале нового этапа мирового навоиведения.

История переводов произведений Алишера Навои, в том числе газелей и других лирических жанров на другие языки и в первую очередь на русский язык насчитывает несколько веков. Но наибольшую активность переводческая работа приняла в XX в., когда перевод произведений многих ведущих представителей узбекской классической литературы и в частности Алишера Навои на другие языки принял более целенаправленный характер. Ведущее место в этом процессе занимают переводы на русский язык. Кроме этого русский язык до недавнего времени отчасти выполнял также роль посредника в переводе творческого наследия Навои и других представителей узбекской классической и современной литературы на другие (в первую очередь, западноевропейские) языки.

На данном этапе узбекского навоиведения важно изучать со всеми подробностями теоретический и практический опыт русской переводческой школы, творческие лаборатории известных переводчиков Навои на русский язык, переводивших непосредственно с языка оригинала. В числе таковых можно назвать известных поэтов-переводчиков Н.Ф. Лебедева и С.Н. Иванова, которые совмещали научную деятельность с творческой. В рамках данной статьи рассмотрим переводческую деятельность С.Н. Иванова, активно включившегося в число поэтов-переводчиков с середины 60-х гг. прошлого века и до конца своей жизни оставшегося верным творчеству Навои. Его переводы тех лет из лирического наследия Алишера Навои вошли в состав I и особенно II томов 10-томного собрания сочинений поэта. Наибольшее число переводов газелей из четвертого дивана «Сокровищницы мыслей», переводы кыгъа, ряда рубаи и туягов в основном принадлежат С.Н. Иванову.

Профессиональный опыт известного ученого-востоковеда, глубокого знатока и страстного поклонника узбекской классической литературы

нашел свое прекрасное применение в практике поэтического перевода. Ему принадлежат переводы образцов творчества целой плеяды узбекских поэтов XIII–XX вв., таких как Амири, Атаи, Саккаки, Лютфи, Гадаи, Хафиза Хорезми, Хусейни, Бабура, Машраба, Мунис Хорезми и Камила Хорезми, Фурката, Мукими, поэтесс Увайси, Надиры, Дильшо-да, Анбар Атин и др. Деятельность С.Н. Иванова как ученого и поэта-переводчика по достоинству была оценена руководством республики: ему было присуждено почетное звание Заслуженного деятеля науки и культуры Узбекистана. Он тесно сотрудничал с узбекскими учеными, часто приезжал в нашу республику и читал лекции в вузах по вопро-сам поэтики восточной литературы, выступал по местному телевиде-нию, где сам читал переводы стихов узбекских поэтов и особенно Навои в собственном переводе и параллельно приводил их на языке оригинала. Те, кому посчастливилось услышать его лекции и стихи, по сей день с уважением и восхищением вспоминают, что у него было чисто узбек-ское произношение.

Им разработана своя методика перевода произведений тюркоязыч-ной литературы, художественно-выразительную и структурную основу которой составляет арабская система стихосложения — аруз. С.Н. Ива-нову в его переводах удалось ярко и близко к оригиналу воссоздать ху-дожественные особенности как газелей и других малых жанров лири-ки Навои, так и поэм. Ему принадлежит перевод самой значительной философско-дидактической поэмы в творчестве Навои «Язык птиц», созданной поэтом на склоне лет, сложной как по своей структуре, так и по средствам выражения идейной основы.

С.Н. Иванов является самым плодотворным переводчиком произве-дений Алишера Навои, особенно его лирического наследия. Его перево-ды до наших дней включаются в состав многочисленных сборников [1].

Кроме этого ученый и сам является составителем сборников произ-ведений классиков узбекской литературы, в которых творческое насле-дие Навои занимает ведущее место [2]. Также он является составителем, автором предисловия и одним из переводчиков отдельных сборников, полностью состоящих из произведений великого поэта. Одно из послед-них таких изданий полностью состоит из переводов газелей Алишера Навои, которые осуществлены С. Ивановым после издания 1-го и 2-го томов 10-томного собрания сочинений поэта на русском языке и поэмы “Язык птиц” в новой редакции [3]. Кроме того, отдельные переводы

ряда газелей и образцов малых жанров представлены в книге ученого-навооведа и писателя Иззата Султана «Книга признаний Навои» [4].

Чрезвычайная требовательность к себе и как к ученому-тюркологу и поэту-переводчику сказалась в том, что С. Иванов, наряду с созданием новых переводов, неоднократно редактировал свои прежние переводы, которые включены в последующие издания. Также особое научное значение приобретает последнее прижизненное издание переводов С.Н. Иванова произведений Навои, изданное в 1996 г. Санкт-Петербургским университетом (к сожалению, ограниченным тиражом), где переводчик дает 185 новых переводов газелей и как теоретик перевода обосновывает новые принципы перевода этого строго канонизированного жанра. «Главное в этих новых принципах, — отмечает С.Н. Иванов, — наличие внутренних рифм на цезуре. Основанием этого является следующее обстоятельство: если воспроизводить газель так, как это делалось раньше, расстояние между рифмами достигает до 30 слогов, что в русском переводе почти разрушает стих. Оригинальный стих держится при этом на специфической афористичности содержания образов, в большинстве своем чуждых русскому поэтическому восприятию. Следовательно, в переводе нужно чем-то компенсировать эти потери, и единственным возможным средством такой компенсации мне представляется отточенная афористичность стиховой формы» [5].

Таким образом, подбирая внутренние рифмы, он сумел воссоздать во многих переводах мелодию восточного стиха. Конечно, при построчном сопоставлении оригинальных текстов с переводами можно найти уйму несоответствий. Но нужно с уверенностью сказать, что в своих переводах образцов таких лирических жанров из творчества великого узбекского поэта, как газель, мухаммас, кыта, рубаи, туюг, сакинаме Сергей Николаевич сумел передать русскому читателю не только содержание, образную и художественно-выразительную канву оригинала, но и структурные особенности каждого жанра, метрику восточного стиха, также разработал и принципы перевода каждого переведенного им жанра восточной литературы, таких как туюг, эпический дастан, газель.

Однако новые и отредактированные переводы С.Н. Иванова либо вообще не включены в сборники последних лет [6], либо малая часть из них вошли в некоторые сборники [7].

Полный свод переводов С.Н. Иванова из лирики Алишера Навои под названием «Живой водою я владел...» [8], подготовленный к изданию

к.ф.н. Р. Кабуловой, ученицей проф. Х. Сулейманова, долгие годы работавшей в бывшем Институте восточных рукописей, которая была лично знакома с С.Н. Ивановым и долгие годы бережно хранила некоторые его рукописи, и автором этой статьи, занимающимся исследованием по теме «Образный контекст в русских переводах произведений Алишера Навои», издается Ташкентским государственным университетом узбекского языка и литературы под редакцией проф. Ш. Сирожиддинова. В данный сборник включены все переводы, осуществленные С.Н. Ивановым в разные годы и вошедшие в состав многочисленных изданий. Основное содержание данного сборника составили новые переводы газелей, сделанные С.Н. Ивановым в последние годы жизни, и вошедшие в издание 1996 г. Кроме того, требовательный к себе и верный своему долгу поэт-переводчик пересмотрел прежние свои переводы и внес изменения в переводы свыше пятидесяти газелей. Они были представлены С.Н. Ивановым 1990-е гг. составителю данного сборника Р.В. Кабуловой и включены в него уже в новой редакции. В сборнике переводы газелей и других поэтических жанров представлены в строгой последовательности, в какой они приведены в оригинале самим Алишером Навои. Названия диванов также приведены в новой редакции С.Н. Иванова: «Причуды детства» («Фаройиб ус-сифар»), «Редкие дары юности» («Наводир уш-шабоб»), «Чудесные свершения середины жизни» («Бадойий ул-васат»), «Поучительные советы старости» («Фавойид ул-кибар»).

Впервые в сборнике газели и другие малые жанры лирики из наследия великого поэта приведены параллельно на узбекском и русском языках, всего 275 газелей («Причуды детства» — 73, «Редкие дары юности» — 45, «Чудесные свершения середины жизни» — 39, «Поучительные заветы старости» — 118), из них 185 новых и свыше 50 отредактированных самим переводчиком после первичных изданий газелей, также включены переводы мухаммасов, таржибанда, сакинаме, кыта, рубаи, туюгов. Имеется предисловие Ш. Сирожиддинова и послесловие от составителей, а также лингвокультурологический словарь.

Специалистам предстоит большая работа по тщательному изучению и научному анализу творческих лабораторий русских переводчиков Навои для дальнейшего развития практики перевода с тюркских языков. На наш взгляд, издание данного узбекско-русского свода, где представлены лучшие образцы переводов лирических жанров С.Н. Иванова из огромного творческого наследия Навои, даст возможность широко-

му кругу любителей поэзии глубже ознакомиться с богатым и мудрым миром идей и чувств великого поэта, а специалистам — материал для исследования вопросов интерперетации и анализа их содержания на русском языке и станет своеобразным ключом к практике перевода лирических стихов поэта на другие языки.

Примечания:

1. «В красе нетленной предстает...». Узбекская классическая лирика XV–XX вв. / пер. со староузбекск. и узбекск. С. Иванова. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1977; *Сергей Иванов*. Кровное слово. Переводы из узбекской поэзии. Т.: Изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1981; Свиток столетий: Тюркская классическая поэзия XIII–XX веков / пер. С.Н. Иванова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

2. *Навои Алишер*. Избранное / вступит. ст., сост. и примеч. С.Н. Иванова. Т.: Укитувчи, 1978; *Навои Алишер*. Стихотворения и поэмы / вступит. ст., сост. и примеч. С.Н. Иванова. М.; Л., 1965.

3. *Навои Алишер*. Избранное / в переводах С. Иванова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.

4. *Иzzат Султан*. Книга признаний Навои. Жизнь и творчество великого поэта со слов его самого и современников / авт. пер. с узб., прозаич. текст пер. А. Зырин; стихи С. Иванов; под ред. А. Каюмова. Т.: Изд-во лит. и искусства, 1984.

5. *Навои Алишер*. Избранное / в переводах С. Иванова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 26.

6. *Навои Алишер*. Избранная лирика. Т.: Шарк, 2008; *Навои Алишер*. Лирика. М.: Человек, 2008; Сокровищница мыслей. Т.: Янги авлод, 2016.

7. *Навои Алишер*. Лирика. СПб.: Диля Пабблишинг, 2000.

8. «Живой водою я владел...». Свод лирики / пер. С.Н. Иванова. Т.: Изд-во Ташкентского гос. ун-та узбекского языка и литературы, 2017.

Сведения об авторах**Аврutiна Аполлинария Сергеевна / Avrutina Apollinaria**

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета

Email: a.avrutina@spbu.ru

Бурькин Алексей Алексеевич / Burykin Aleksei

доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН

Email: albury@rambler.ru

Гирфанова Альбина Хакимовна / Girfanova Albina

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Email: genling.spb@gmail.com

Гузев Виктор Григорьевич / Guzev Viktor

доктор филологических наук, профессор кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Email: vgguzev@gmail.com

Дубровина Маргарита Эмильевна / Dubrovina Margarita

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Email: maggydu@rambler.ru

Камалова Шахназ Норвуз кызы / Kamalova Shakhnas

аспирант кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Email: shahnazkamal@gmail.com

Образцов Алексей Васильевич / Obratsov Aleksei

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного
университета

Email: 0708ural@mail.ru

Образцов Всеволод Николаевич / Obratsov Vsevolod

научный сотрудник отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа,
хранитель коллекции восточного оружия

Email: vs.obratsov@yandex.ru

Пылев Алексей Игоревич / Pylev Aleksei

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного
университета

Email: pylev_aleksey@mail.ru

Репенкова Мария Михайловна / Repenkova Maria

доктор филологических наук, кандидат филологических наук,
профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института
стран Азии и Африки Московского государственного университета

Email: mmrepenkova@rambler.ru

Салихова Айгуль Рустэмовна / Salikhova Aygul

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела
театра и музыки Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Email: aygul.salikhova@gmail.com

Сарышахин Дильбер / Sarişahin Dilber

аспирант кафедры кафедры тюркской филологии Восточного
факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Email: dlbrngz@gmail.com

Сүлейманова Алия Сократовна / Suleymanova Aliya

кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии
Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного
университета

Email: suleymanova2001@mail.ru

Султанов Турсун Икрамович / Sultanov Tursun

доктор исторических наук, профессор кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Email: vgguzev@gmail.com

Телицин Николай Николаевич / Telitsin Nikolay

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Email: nikolay.telitsin@gmail.com

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна / Hisamitdinova Firdaus

доктор филологических наук, профессор, директор Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (2005–2015), член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан
Email: hisamitdinova@list.ru

Шукурова Зилола Содиковна / Shukurova Zilola

старший научный сотрудник Самаркандского института иностранных языков, преподаватель кафедры Восточных языков
Email: zilolashukurova71@mail.ru